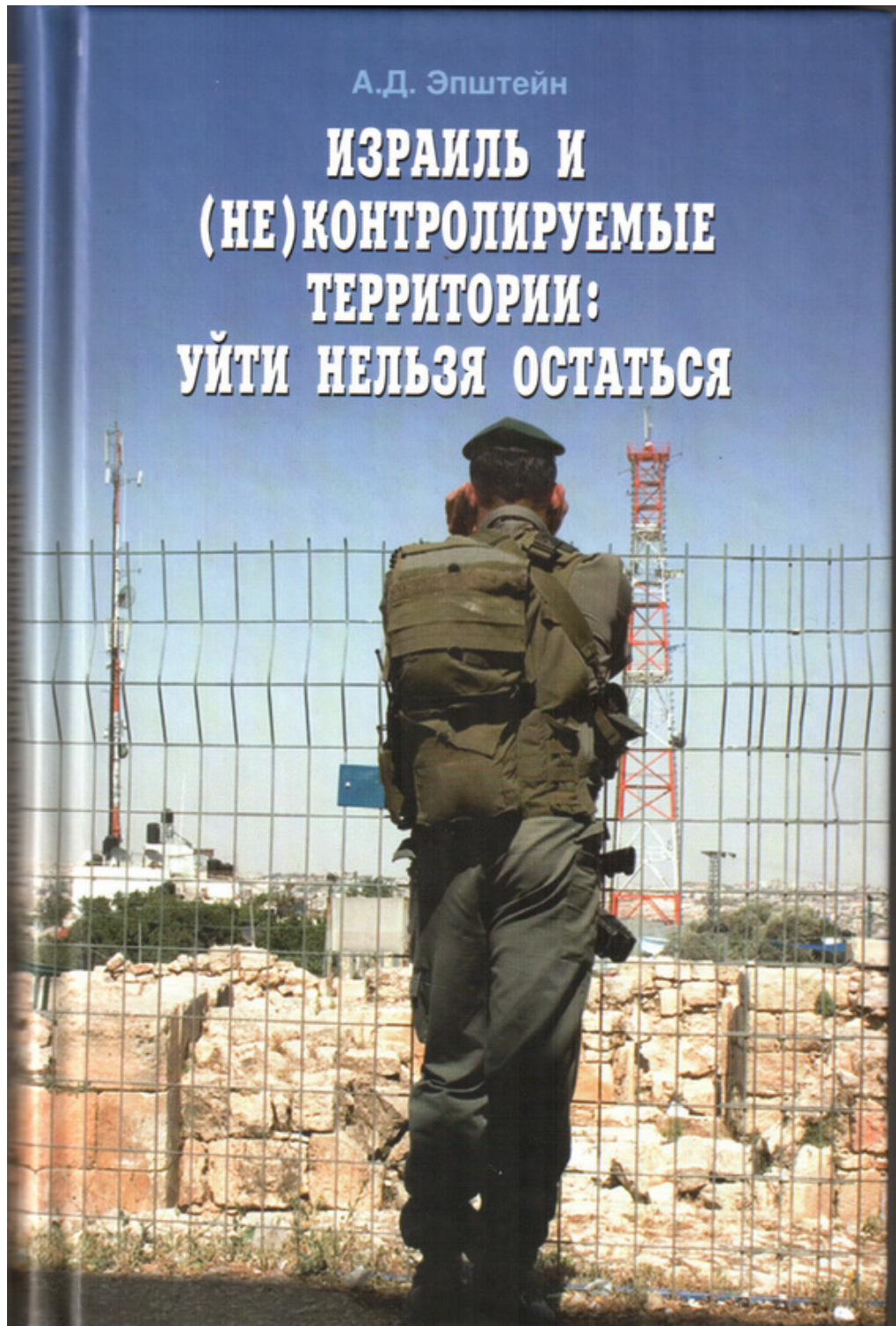

А.Д. Эпштейн

**ИЗРАИЛЬ И
(НЕ)КОНТРОЛИРУЕМЫЕ
ТЕРРИТОРИИ:
УЙТИ НЕЛЬЗЯ ОСТАТЬСЯ**

Алек Д. Эпштейн
Израиль и (не)контролируемые
территории. Уйти нельзя остаться

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5816671

*Израиль и (не)контролируемые территории: УЙТИ НЕЛЬЗЯ ОСТАТЬСЯ: Мосты культуры,
Гешарим; Москва; 2008
ISBN 978-5-93273-283-0*

Аннотация

Эта книга, написанная ведущим специалистом по истории арабо-израильского конфликта доктором Алеком Д. Эпштейном, является первой и единственной работой, в которой на основе множества документов и свидетельств непосредственных участников событий дается ответ на вопрос о том, как блестящий военный успех был превращен политиками в победу Пиррову. Основанная на фактах и архивных материалах, прежде почти неизвестных, она читается как документальный детектив, на одном дыхании.

Содержание

Предисловие президента Института Ближнего Востока	5
Предисловие автора	7
Глава I. Что делать с плодами победы? Политические дискуссии в израильском руководстве по окончании шестидневной войны	10
Седьмой день Шестидневной войны	10
Предложения Разведывательного управления армии обороны Израиля	12
Особое мнение Давида Бен-Гуриона	14
Предложения профессора Юваля Неэмана	17
Меморандум группы сотрудников «Моссада» и военной разведки	21
Предложения Моше Даяна	23
Решение правительства Израиля от 19 июня 1967 года	28
Предложение Элияху Сассона и «четырёхсторонняя комиссия»	31
Планы Игала Алона	34
Глава II. Первые практические шаги израиля на контролируемых территориях	38
Аннексия Восточного Иерусалима	38
Постоянство временных решений: формирование и закрепление статус-кво	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

А. Д. Эпштейн
Израиль и (не)контролируемые
территории. Уйти нельзя остаться

©Мосты культуры/Гешарим, 2008

©А. Эпштейн

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

©Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Предисловие президента Института Ближнего Востока

Представлять вниманию читателей очередную книгу известного израильского ученого д-ра А. Эпштейна тем большее удовольствие, что написана она в свойственной ему яркой манере, читается легко и несомненно вызовет интерес широкой публики. Эта работа – итог тщательного исследования, проведенного человеком, обращающим особое внимание на малоизвестные или вовсе не известные детали, редкий во все времена образец добротного политологического, а не *политтехнологического* продукта. При этом труд д-ра Эпштейна содержит информацию, которая впервые вводится в русскоязычный академический оборот, и тем интересен не только для публики, но и для специалистов, в том числе практиков.

Представляется, что отнюдь не случайно именно на русском языке и в России издаются сегодня все больше работ, посвященных Ближнему Востоку, и в частности современному Израилю, которые можно уверенно назвать лучшими в своем жанре. Их авторы – русскоязычные израильтяне – с одинаковой легкостью ориентируются в двух мирах, в равной мере владея ивритом, русским и английским языками. При этом они не только являются профессионалами высокого класса, но и обладают уникальным опытом работы, в том числе преподавательской, в университетах и научных центрах Израиля, России и стран Запада. Это в полной мере относится к автору настоящей книги, ибо д-р Эпштейн хорошо знаком нескольким поколениям студентов не только Открытого университета Израиля, но и Института стран Азии и Африки МГУ, Нижегородского и Томского университетов, других отечественных вузов.

Россия, унаследовав от СССР статус «коспонсора мирного процесса», является его активным участником, что делает знакомство с внутренней кухней арабо-израильских отношений особенно актуальным для дипломатов и ответственных лиц, представляющих нашу страну на международной арене. Именно к ним, а также к студентам-международникам и к тем, кто профессионально занимается Ближним Востоком, обращена в первую очередь книга А. Эпштейна.

Разумеется, не все читатели согласятся со всеми ее положениями. В конце концов, автор, будучи израильтянином и патриотом своей страны, занимает, при всем его личном пацифизме, уважении к арабскому миру, симпатии к левоцентристской идеологии и практике израильских политиков, а также присущей ему самокритичности и объективности оценоч, вполне конкретную позицию. Впрочем, опыт общения с людьми, не только исследующими ближневосточный конфликт, но и принимающими в нем активное участие, избавляет от иллюзий по поводу возможности той степени отстраненности от него, которую принято демонстрировать, следуя правилам политкорректности. Те или иные симпатии и антипатии неизбежно возникают и у сторонних наблюдателей, и у посредников, и у исследователей. Тем приятнее, что в книге д-ра Эпштейна нет скрытого подтекста – он пишет именно то, что думает, простыми словами, которые позволяют услышать и понять его гораздо лучше, чем если бы он пользовался свойственным многим современным авторам эзоповым языком, состоящим из намеков и полунамеков. Говоря проще, это – честная книга, и этим она чрезвычайно ценна.

Является ли ближневосточный мирный процесс чем-то, способным принести хоть какие-то плоды кому-то, помимо его непосредственных организаторов, нам пока не известно. Пока что он больше напоминает бег по кругу. В нем сплетены амбиции и личная неприязнь политиков, историческая вражда кланов и партий, противостояние практиков, работающих в сфере безопасности, и теоретиков-политологов, борьба за власть и интриги,

достойные Макиавелли. Не исключено, что будущие поколения исследователей будут говорить о нем как о растянутой во времени капитуляции Израиля перед террористическими организациями, успешно освоившими дипломатическую риторику. Возможно, в этом обвинят политических лидеров, которые в погоне за иллюзиями и Нобелевскими премиями мира с начала 1990-х годов растратили плоды побед, доставшихся израильской армии в предшествующие эпохи. Пока не вызывает сомнений, что безопасность израильтян сегодня находится под угрозой, не сравнимой с худшими периодами их прошлого. Перспективы же создания палестинского государства – полноценного, живущего за собственный счет в мире с соседями, а не всемирного Гарлема, подпитываемого многомиллиардными дотациями «мирового сообщества», – более чем сомнительны.

Есть в новейшей истории региона вещи, с которыми не спорит никто. Условия жизни на территориях, контролируемых ХАМАСом в Газе и ПНА на Западном берегу, несравнимо ухудшились со времен «оккупации» – и это результат именно «мирного процесса». Есть вещи спорные, включая оценки роли тех или иных персон или интерпретацию тех или иных исторических фактов. В самом деле: являлась ли гибель Ицхака Рабина результатом спонтанных действий «правого террориста-одиночки» или хорошо подготовленного заговора спецслужб? И являлся ли он на самом деле «жертвой мирного процесса» или погиб оттого, что принял решение свернуть этот вышедший из-под контроля процесс, инициированный его вечным соперником Шимоном Пересом – единственным политиком Израиля, который выиграл от смерти Рабина? Так ли необходимо было эвакуировать войска Израиля с юга Ливана и из Газы, в результате чего контроль над этими районами перешел к радикалам-исламистам? И если один из самых опытных генералов Израиля, Эхуд Барак, своими руками отдал Ливан «Хизбалле», а один из крупнейших полководцев XX века, Ариэль Шарон, подарил Газу ХАМАСу, то так ли уж виноват случайно ставший премьером Эхуд Ольмерт, безо всякого смысла развязавший и с треском провалившийся вторую ливанскую войну? Почему раз за разом политическая элита Израиля на протяжении двух последних десятилетий упорно идет на сделки с террористами, рушащие безопасность страны и ее граждан, вопреки собственной успешной практике бескомпромиссной борьбы с ними предшествующих периодов?

И чем в конце концов все это закончится? Для израильтян, забывших о том, что ни одно государство не вечно – даже если это Государство Израиль. Или – особенно если это Государство Израиль. Для палестинцев, все большее число которых понимают – слишком поздно и слишком дорогой ценой, – что собственное государство – не панацея от бед. И что оно может стать источником проблем, а не инструментом их разрешения. Для их непосредственных соседей и всего арабского мира, который всегда в отношении палестинцев это подозревал, но вынужден был – и вынужден будет – «сохранять лицо». Для «мирового сообщества», которое, похоже, так и не осознало, что для того чтобы основать государство, мало принять резолюцию ООН, создать комиссию и принять бюджет, поскольку государства основывают не международные бюрократы, а народы. Причем исключительно те из них, которые на это способны, при том что способны далеко не все. В описываемом же случае практический эксперимент по созданию палестинского государства, проводимый на протяжении почти двух десятилетий при беспрецедентной поддержке мирового сообщества, провалился окончательно, и лишь немыслимость и невозможность признания этого факта заставляют «коспонсоров мирного процесса» нести этот «чемодан без ручки». Что, впрочем, лишь прибавляет веса книге д-ра А. Эпштейна как источнику ценной информации и свидетельству эпохи.

Евгений Сатановский
президент Института Ближнего Востока

Предисловие автора

Я долго шел к этой книге, и она далась мне с большим трудом. Год за годом публикуя работы об истории и современном состоянии арабо-израильского конфликта, я с трудом находил, хотя бы и заведомо неполные, ответы на вопрос, как же оказалось, что блестящая военная победа Израиля в Шестидневной войне спустя сорок лет воспринимается едва ли не как победа пиррова, как некое недоразумение, своего рода непомерно дорогой подарок небогатой семье, которая так и не смогла адекватно им распорядиться. Сорок с небольшим лет назад Израиль закончил войну с ощущением, что ему удалось на долгие десятилетия гарантировать себе и мир и безопасность, ибо кто теперь решится напасть на страну, доказавшую свой статус региональной военной державы?! Пограничные линии, названные министром иностранных дел Израиля Абой Эвенем «границами Освенцима», казались навсегда стертыми, причем в самом прямом смысле этого слова: на выпускаемых с тех пор в Израиле географических картах «зеленая черта», отделяющая собственно суверенную территорию Израиля, все жители которой, независимо от их национальности, имеют общее гражданство, от так называемых контролируемых территорий, арабские жители которых израильского гражданства не имеют, не обозначена никак. В ходе Шестидневной войны Израилю удалось получить контроль над всей территорией бывшего британского мандата: и над той, на которой должен был быть создан Израиль, и над той, на которой, если вспомнить резолюцию ООН 1947 года, должно было быть создано Палестинское государство. Победа в Шестидневной войне казалась окончательной и бесповоротной победой политического сионизма, которому удалось создать еврейское национальное государство, сумевшее добиться контроля над всей территорией Эрец-Исраэль к западу от реки Иордан. Эта победа должна была подвести черту под этапом отстаивания Израилем своего государственного суверенитета: отныне, казалось, никто не мог ставить под сомнение легитимность его существования.

Произошло, однако, прямо противоположное. В результате Шестидневной войны и последовавшего вслед за ней разрыва дипломатических отношений между Израилем и СССР (а также странами, шедшими в фарватере советского внешнеполитического курса) международное положение Израиля значительно ухудшилось. Оно ухудшилось еще более в связи с резким обострением отношений с арабскими странами (что проявилось уже на Хартумском саммите ЛАГ в сентябре 1967 года), а также в связи с ростом международного признания палестинского движения сопротивления. Израиль же, со своей стороны, так и не сумел выработать какой-либо последовательной, внятной политики относительно будущего занятых им территорий: разные политические, государственные и военные деятели выдвинули множество всевозможных, зачастую противоречивших друг другу планов, ни один из которых не был реализован в полном объеме. Территории – то ли «освобожденные», то ли «оккупированные», но чем дальше, тем менее контролируемые, превратились в обузу, которую и отдавать жалко, да и не очень понятно кому, и интегрировать не получается, в особенности принимая во внимание стремление Израиля остаться еврейским национальным государством с как можно меньшим процентом арабских граждан. С течением времени эти территории стали также основным очагом антиизраильской террористической деятельности и, как результат, ареной многочисленных контртеррористических операций. В этих актах насилия с обеих сторон погибли многие сотни израильтян и тысячи палестинских арабов. В итоге занятые территории не принесли Израилю ни мира, ни безопасности, став к тому же фактором острого внутреннего раскола внутри самого израильского общества. Едва ли кто-то в ходе Шестидневной войны мог предположить, что тогдашний начальник Генерального штаба израильской армии, став премьер-министром страны, будет двадцать восемь лет спустя убит израильским же гражданином, возмущенным курсом на отдачу занятых в ходе той

войны территорий, но история распорядилось, что случилось именно так. Победа в Шестидневной войне мертвой хваткой держала (и держит) за горло победителей, до минимума сужая их возможности политического маневрирования.

Еврейское население Западного берега реки Иордан (в Израиле этот район принято делить на Иудею, Самарию и Иорданскую долину) и полосы Газы, оказавшихся в 1967 году под контролем Израиля, на протяжении многих лет росло значительно быстрее, чем в каком-либо другом районе страны. Составляя в 1972 году лишь 1520, а в 1983 году – 23700 человек, оно к концу 2004 года превысило четверть миллиона – и продолжает расти. Вместе с тем дважды (в 1982 и 2005-м) тысячи поселенцев были по решению правительства эвакуированы, а их дома разрушены: в первый раз такая судьба постигла пять с лишним тысяч жителей Ямита и других поселений Синайского полуострова, а во второй – восемь с лишним тысяч жителей еврейских поселений в секторе Газы и Северной Самарии. Нет никаких гарантий того, что в будущем подобная участь не постигнет и некоторые другие еврейские поселения на Западном берегу Иордана; в частности, на палестино-израильских переговорах на высшем уровне в Кемп-Дэвиде в 2000 году и в Табе в январе 2001 года и в так называемом Женевском соглашении 2003 года на повестке дня стояла ликвидация большей части этих поселений, хотя в обществе существует достаточно широкий консенсус касательно того, что крупные поселенческие анклавов должны и в будущем оставаться под контролем Израиля. Каковы бы ни были решения политических лидеров в будущем, очевидно, что еврейские поселения на контролируемых территориях являются важнейшим фактором, влияющим на израильскую как внутреннюю, так и внешнюю политику. Будучи созданными во имя обеспечения безопасности Израиля и во имя демонстрации нерушимой связи еврейского народа с землей Эрец-Исраэль, многие поселения превратились в мощный фактор дестабилизации обстановки, причем не только в отношениях между Израилем и палестинскими арабами (или даже арабским миром в целом), но и в отношениях внутри еврейского социума. Раз за разом вспыхивают новые и новые конфликты между правительственными силами (армией и полицией) с одной стороны и радикально настроенными поселенцами – с другой. Душеуражающие сцены эвакуации израильскими силами еврейских поселенцев из Ямита (на Синае), Кфар-Дарома (в секторе Газы), Амоны (на Западном берегу) и других мест навсегда запомнят все, кто видел их хотя бы на телеэкранах. Одновременно с этим множатся страдания палестинского населения этих территорий, в том числе и в связи со строительством Израилем так называемой защитной стены («забора безопасности»), превратившей целый ряд арабских населенных пунктов в полузакрытые анклавов, запертые почти со всех сторон.

Как это произошло? Как случилось, что вместо мира и процветания победа в Шестидневной войне привела к проблемам невиданной прежде сложности, решение которых сегодня, сорок с лишним лет спустя, отнюдь не кажется более близким? Каковы были планы по решению этих проблем и почему их по большей части не удалось реализовать? Эти темы рассматриваются в настоящей монографии в исторической перспективе, ибо только такой подход позволяет надеяться на нахождение адекватных ответов на вопросы, очень и очень непростые не только с исследовательской, но и с гражданской и общечеловеческой точек зрения. Будучи вот уже восьмой год жителем одного из городов на территориях, занятых Израилем в ходе Шестидневной войны, я пишу не только о том, что изучаю по книгам, статьям и документам на разных языках, но и о том, что вижу из окон своего дома. Как и в прошлых моих книгах, я стараюсь и в этой монографии соблюдать верность принципу поиска научной истины, принимая во внимание позиции различных сторон, у каждой из которых своя правда, однако никогда прежде мне еще не приходилось писать о том, что так сильно влияет и на мою собственную жизнь.

Эта монография едва ли появилась бы на свет, если бы не доброжелательная заинтересованность руководителей Института Ближнего Востока Е.Я. Сатановского и Е.Л. Жигуна, при поддержке которых выходит вот уже девятая моя книга о различных аспектах арабо-израильского конфликта и поисках путей его мирного урегулирования. Значительную помощь при работе над этой монографией оказал мне выпускник Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова С.А. Кожеуров, написавший под моим руководством отличную квалификационную работу на степень бакалавра, многие положения которой я использовал в этой монографии, естественно, значительно углубив и расширив их. Я, в любом случае, благодарен С.А. Кожеурову за все, что он сделал, и надеюсь на его дальнейший профессиональный рост как специалиста по Ближневосточному региону. Ряд положений этой книги я обсуждал с коллегами и студентами как в Израиле, так и в России, и я благодарен всем, чьи вопросы и комментарии помогли мне подумать о том, о чем я думать порой и не собирался. Работа над курсом Открытого университета Израиля «Национальная безопасность и демократия» позволила мне надолго погрузиться в изучение материалов, без знания которых написать эту книгу было бы, пожалуй, невозможно в принципе.

Ответственность за все изложенное в этой работе лежит, естественно, на мне одном, и я надеюсь, что эта первая на русском языке книга по одной из самых центральных тем ближневосточной политики будет благосклонно принята заинтересованными специалистами и неравнодушными читателями.

Маале-Адумим, 4 августа 2008 года

Глава I. Что делать с плодами победы? Политические дискуссии в израильском руководстве по окончании шестидневной войны

Седьмой день Шестидневной войны

Взорвавшая в июне 1967 года мировую политику третья арабо-израильская война, вошедшая в историю под именем Шестидневной, не только перекроила карту Ближневосточного региона, но и сформировала совершенно новые тенденции, влияние которых ощущается вплоть до сегодняшнего дня; об этом сказано и написано довольно много¹. В изданной научной литературе и мемуарах подробно описываются как дипломатические усилия, предшествовавшие войне и имевшие целью либо предотвратить², либо, напротив, спровоцировать ее³, так и сам ход боевых действий, рассмотренный буквально поминутно⁴. При этом практически нигде не была сделана попытка системно проанализировать позицию (или позиции?) израильского руководства по поводу будущей политической судьбы довольно значительных территорий, весьма неожиданно оказавшихся под контролем еврейского государства. Неожиданно для них самих перед израильскими руководителями в одночасье стал вопрос о том, что делать с Западным берегом Иордана и сектором Газы, Голанскими высотами и Синайским полуостровом, а также с Восточным Иерусалимом и расположенными на его территории святынями иудаизма, христианства и ислама. Тот факт, что политический статус части этих территорий не урегулирован до сих пор, спустя более чем сорок лет после Шестидневной войны, красноречиво свидетельствует о том, что самая короткая из арабо-израильских войн оказалась в действительности едва ли не самой длинной, и ее геополитические итоги невозможно подвести до сих пор. Могло ли быть иначе? Какие планы по чьей инициативе обсуждались израильскими руководителями и почему фактически все они были отвергнуты? Вследствие чего динамика развития событий вышла, и, кажется, навсегда, из-под какого-либо контроля? Попытке ответить на эти вопросы и посвящена настоящая работа.

Прекращение огня застало Израиль хозяином таких территорий, как полоса Газы, Шарм аш-Шейх и весь Синайский полуостров до Суэцкого канала, Старый город Иерусалима, который уже в конце июня был юридически воссоединен с новым (Западным) Иерусалимом, Западный берег Иордана и, наконец, Голанские высоты, господствующие над Северным Израилем. Помимо Иерусалима и некоторых мест Святой земли, которые имеют большое религиозное и историческое значение для еврейского народа, занятые территории представляли для Израиля главным образом стратегический интерес. Города Калькилия и Туль-Карм, наряду с другими населенными пунктами на Западном берегу, использовались

¹ См., в частности: Michael B. Oren. *Six Days of War. June 1967 and The Making of The Modern Middle East*. – Oxford: Oxford University Press, 2002; Алек Д. Эпштейн и Михаил Урицкий. Шестидневная война и современная политическая динамика на Ближнем Востоке // «Восток» (Институт востоковедения РАН). 2003, № 2, с. 72–84.

² См.: Заки Шалом. *Дипломатия в тени конфликта: мифы и реалии событий, предшествовавших Шестидневной войне*. – Тель-Авив: изд-во Министерства обороны Израиля, 2007 [на языке иврит].

³ Этот тезис развивают, применительно к советской позиции, Изабелла Гинор и Гидеон Ремез, см. их вызвавшую горячие споры книгу: Isabella Ginor and Gideon Remez. *Foxbats over Dimona: The Soviets' Nuclear Gamble in the Six-Day War*. – New Haven: Yale University Press, 2007.

⁴ Кроме отмеченной выше монографии Майкла Орена, упомянем в этой связи переведенный на русский язык труд Шабтая Тевета «Танки Таммуза» // *Арабо-израильские войны. 1956, 1967*. — М.: Эксмо, 2003, особенно с. 346–492 [книга опубликована в переводе с издания на английском языке, вышедшего в 1968 г.].

иорданцами как базы для обстрела Тель-Авива и находящегося к северу от него приморского города Нетания, а также международного аэропорта Лод и некоторых израильских авиабаз. Иорданский анклав Латрун, вклинившийся на юго-западе в Израиль, и возвышенность, благодаря которой Иордания контролировала дорогу из Тель-Авива в Иерусалим, ставили под угрозу доступ в израильскую часть святого города. И, что важнее всего, в результате концентрации крупных сил противника на Западном берегу над Израилем нависла опасность быть перерезанным на две части в месте, где его территория не превышала пятнадцати километров в ширину.

Овладев Голанскими высотами, возвышающимися над Галилеей, израильтяне устранили опасность обстрела сирийскими снайперами и артиллерией, которая годами висела над фермерами, работавшими в долине. Кроме того, израильтяне оказались в состоянии предотвратить любые попытки сирийцев отвести истоки рек Иордан и Ярмук, питающих озеро Кинерет – главный резервуар пресной воды в Израиле.

Но, быть может, для безопасности Израиля Синайский полуостров важнее Голанских высот на севере или некоторых районов Западного берега? В наш век реактивной авиации и внезапных нападений минуты играют решающую роль. Египетской авиации, имевшей в Синае базу в Эль-Арише, требовалось семь минут, чтобы долететь до Тель-Авива. С египетских баз на западном берегу Суэцкого канала для этого требуется двадцать минут. Этот фактор имеет большое значение. Удерживая Шарм аш-Шейх, Израиль смог бы гарантировать свободу судоходства в районе Эйлата⁵.

В последние дни Шестидневной войны, а также в первые недели после ее окончания многие военные и политики осознали острую необходимость выработки плана послевоенного урегулирования и определения израильской политики на территориях, перешедших в ходе войны под израильский контроль. При этом переход от состояния острой опасности к беспримечной победе был столь ошеломляющим, что государственные деятели просто не успевали освоиться с ситуацией. Требовалось время, чтобы привыкнуть к новым реалиям, и планы, выдвигавшиеся теми или иными общественными деятелями и организациями в первые дни после окончания войны, не всегда были, что называется, продуманными до мелочей. Несмотря на то что большинство выдвинутых предложений не было реализовано, по крайней мере в то время, их обзор позволяет понять, какие возможные варианты решения проблемы рассматривались и по чьей инициативе это происходило. Подобный анализ совершенно необходим для понимания всей динамики последующих процессов в арабо-израильском конфликте.

⁵ См.: Рэндалл и Уинстон Черчилль-мл. *Шестидневная война*. – Москва; Иерусалим: Мосты культуры, 2003, с. 273–274 [книга опубликована в переводе с издания на английском языке, вышедшего в конце 1967 г.].

Предложения Разведывательного управления армии обороны Израиля

Хронологически первым представил свои предложения относительно будущего занятых территорий аналитический отдел Разведывательного управления Армии обороны Израиля, который в то время возглавлял Шломо Газит (во главе военной разведки стоял тогда Аарон Ярив, которого в 1972 году сменил Эли Заира и на место которого в 1974 году был назначен Ш. Газит). Свой план он представил премьер-министру и ряду ключевых министров правительства еще 9 июня 1967 года, то есть за сутки до прекращения боевых действий⁶.

Предполагалось, что Израиль должен использовать эффект от своей военной победы, чтобы выстроить новые отношения с арабскими странами, но в то же время не должен унижать арабские страны, диктуя им свою волю как победитель побежденным. В документе, поданном премьер-министру, подчеркивалось, что необходимо незамедлительно сформулировать израильские предложения относительно послевоенного урегулирования, причем сделать это необходимо раньше, чем арабские страны выдвинут собственный план. При этом отмечалось, что израильские предложения должны были выглядеть приемлемыми как для арабских стран, так и для международного сообщества.

Главная идея этого плана состояла в практически полном отступлении Израиля к границам, существовавшим по состоянию на 4 июня 1967 года, то есть до начала войны. На этой основе предполагалось заключить мир с арабскими странами или же, в крайнем случае, наладить некое арабско-израильское сосуществование, а проблемы решать в ходе дальнейших двусторонних переговоров. Основные тезисы предложенного Разведывательным управлением плана были следующими: во-первых, Израиль объявляет соглашения о разъединении войск, подписанные в 1949 году на острове Родос⁷, недействительными и требует заключения постоянных мирных договоров (на основе вышеупомянутого базового принципа); во-вторых, Израиль не заинтересован в оккупации арабских земель, однако при заключении мирных соглашений возможна корректировка границ; в-третьих, Израиль поддерживает создание независимого Палестинского государства на территории Западного берега и сектора Газы, причем границы создаваемого Палестинского государства должны учитывать реальную ситуацию, сложившуюся к тому времени (так как между Западным берегом Иордана и сектором Газы нет общей границы, в плане предлагалось, чтобы Израиль обеспечил возможность передвижения между двумя частями будущего Палестинского государства); в-четвертых, выдвигалось требование демилитаризации будущего Палестинского государства; и, наконец, в-пятых, Старый город Иерусалима должен был стать «открытым городом», его статус, по замыслу авторов плана, должен был быть в чем-то похожим на статус Ватикана.

Интересно, что именно военная разведка, и еще до окончания войны (проект, напомним, был представлен уже 9 июня), выдвинула предложения, включавшие практически полный отказ от плодов победы как таковой. С точки зрения руководителей военной разведки, Шестидневная война была для Израиля вынужденной, еврейское государство никак не стремилось к ней, не имея экспансионистских устремлений относительно территорий какой-

⁶ См.: Shlomo Gazit. *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories*. – London: Frank Cass Publishers, 2003. pp. 141–142.

⁷ См.: Заки Шалом. *Проблемы безопасности и формирование оборонной политики Израиля*. – Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 2001, с. 29–37 [книга опубликована в переводе с языка иврит].

либо из соседних арабских стран⁸, а значит, все занятые в ходе боев земли являлись не более чем своего рода «залогом», возврат которого мог бы привести к заключению постоянных мирных договоров с соседними государствами. В 1949 году тогдашний министр иностранных дел Израиля Моше Шарет предполагал, что договоры о прекращении огня, подписанные Израилем со всеми приграничными арабскими странами, очень быстро будут заменены полноценными мирными соглашениями⁹. Этого, однако, не случилось, и восемнадцать лет спустя, в 1967 году, Израиль еще не подписал мирного соглашения ни с одной из арабских стран (первым был подписан мирный договор с Египтом, но это произошло только в 1979 году). Почти полное возвращение территорий, занятых в ходе Шестидневной войны, воспринималось в документе, поданном военной разведкой, как разумная цена, уплата которой должна была сделать мирные соглашения с Израилем целесообразными в глазах арабских правителей. Вопреки тому, что принято думать, принцип «территории в обмен на мир» был предложен израильской военной разведкой задолго до того, как его сформулировали зарубежные дипломаты.

⁸ См.: Соломон Шварц. *Советский Союз и арабо-израильская война 1967 года*. – Нью-Йорк: изд. Американского еврейского рабочего комитета, 1969, с. 63–73.

⁹ См.: Itamar Rabinovich. *The Road Not Taken. Early Arab-Israeli Negotiations*. – New York: Oxford University Press, 1991, pp. 4–5.

Особое мнение Давида Бен-Гуриона

Не менее неожиданной была и позиция Давида Бен-Гуриона. Д. Бен-Гурион свидетельствовал в своих мемуарах, что 26 сентября 1948 года он предложил правительству принять решение о наступлении израильских сил от района Латруна (находится на полпути между Иерусалимом и Тель-Авивом, недалеко от занятых Израилем в июле 1948 года городов Рамле и Лод) до Рамаллы на севере и Хеврона и Вифлеема на юге¹⁰. Однако, опасаясь массированного международного давления на Израиль, большинство министров отвергли предложение Д. Бен-Гуриона. По словам главы правительства, руководители Генерального штаба израильской армии полагали, что на всю эту операцию уйдет около семи дней, однако в напряженной обстановке, сложившейся после убийства 17 сентября боевиками праворадикальной организации ЛЕХИ спецпредставителя ООН, шведского дипломата Фольке Бернадота (1895–1948), члены кабинета решили не рисковать¹¹. Д. Бен-Гурион горько сожалел об этом решении; четырнадцать лет спустя, в 1962 году, в письме журналисту газеты «Хаарец» Ш. Гроссу он охарактеризовал это решение как «плач на многие поколения»¹², поскольку складывалась ситуация, при которой «Иордания контролирует горы Иудеи, все дороги в Иерусалим и сам Старый город». И действительно, по пятой статье Соглашения о перемирии между Израилем и Иорданией, подписанному 3 апреля 1949 года, район Хевронского нагорья (включая Гуш-Эцион), как и вся территория Западного берега, включая большую часть Иерусалима, отошел к Трансиордании¹³.

Однако этот государственный деятель продемонстрировал после Шестидневной войны, когда, казалось бы, было сделано именно то, к чему он сам за девятнадцать лет до этого призывал, готовность к далеко идущим территориальным уступкам. Биограф Д. Бен-Гуриона справедливо отмечает, что его тогдашние воззрения совершенно не соответствовали его прошлой репутации решительного и смелого вождя. Решение о начале Шестидневной войны было принято не только без всякого участия Д. Бен-Гуриона, которого постфактум известил 4 июня поздно вечером начальник канцелярии министра обороны Хаим Исраэли, но и вопреки его яростным возражениям¹⁴.

29 июня 1967 Давид Бен-Гурион дал интервью внуку Уинстона Черчилля, которое транслировалось 12 июля в радиопрограмме Би-би-си «Мир в первом часу». Д. Бен-Гурион заявил, что в соответствии с международным правом не только Тиранские проливы, но и Суэцкий канал должен быть открыт для израильских судов. Он сказал также, что Иерусалим должен остаться еврейским городом. Что касается остальных территорий, то, по его мнению, Израиль мог бы отказаться от них, если бы это способствовало установлению мира. Он, однако, выразил мнение, что Хеврон также должен отойти к Израилю, ибо он «более еврейский, чем даже Иерусалим: Иерусалим стал еврейским городом три тысячи лет назад, при царе Давиде, а Хеврон – четыре тысячи лет назад, при Аврааме». Кроме того, к Хеврону примыкал ряд еврейских поселений, которые были разрушены накануне провозглашения Государства Израиль. На остальной территории Западного берега арабы должны получить автономию и сохранить свой национальный образ жизни. Д. Бен-Гурион подчеркнул, что

¹⁰ Д. Бен-Гурион достаточно лаконично рассказывает об этом в своих мемуарах, см.: Давид Бен-Гурион. *Обновленное Государство Израиль*. – Тель-Авив: Ам овед, 1969, том 1, с. 288–290 [на языке иврит].

¹¹ David Ben-Gurion. *Israel: A Personal History*. New York: Herzl Press, 1972, p. 269.

¹² См. об этом в книге Тома Сегева. «1967». – Иерусалим: Кетер, 2005, с. 198–199 [на языке иврит].

¹³ См. текст этого Соглашения в переводе на русский язык в книге: «Государство Израиль: политика и общество в документах» / Под ред. З. Каца и В. Орла. – Иерусалим: Международная школа им. Ротберга, 1992, с. 33–39.

¹⁴ См.: Михаэль Бар-Зохар. *Бен-Гурион*. – Иерусалим: Библиотека Алия, 1991, том 2, с. 286–289 [книга опубликована в переводе с издания на иврите, вышедшего в 1980 г.].

имеются два предварительных условия, на которых Израиль может вернуть любую захваченную территорию. Во-первых, арабы должны признать Государство Израиль, и, во-вторых, должен быть подписан полноценный мирный договор¹⁵.

Фактически позиция Давида Бен-Гуриона была тождественна позиции руководства военной разведки: в обоих случаях речь шла о том, что занятые в ходе Шестидневной войны территории являются «залогом», который будет возвращен при условии заключения мирных договоров между Израилем и арабскими странами. При этом в обоих случаях было заявлено, что при заключении мирных соглашений возможна корректировка границ (Д. Бен-Гурион конкретно упоминал в этой связи Хеврон). В обоих предложениях декларировался отказ от возвращения под арабский контроль Старого города Иерусалима, хотя предложения о его будущем были разные: документ, подготовленный в отделе Ш. Газита, говорил о международном городе, подобном Ватикану; Д. Бен-Гурион же настаивал на том, что объединенный Иерусалим должен быть еврейским городом.

10 декабря 1949 года Давид Бен-Гурион (вопреки категорическому несогласию с этим шагом тогдашнего министра иностранных дел Моше Шарета) провел в правительстве решение об объявлении Западного Иерусалима столицей Израиля, игнорируя позицию ООН по данному вопросу. Представляется, что для Д. Бен-Гуриона создание столицы в Иерусалиме, вопреки мнению ООН, имело примерно то же значение, что и последующий суд над А. Эйхманом в Иерусалиме, а не в Нюрнберге и Гааге, – именно таким путем Д. Бен-Гурион ощущал и демонстрировал реальную способность возродившего собственную государственность еврейского народа быть творцом своей судьбы¹⁶. Восемнадцать лет спустя Д. Бен-Гурион стремился завершить начатый им тогда процесс утверждения израильского контроля над городом, на протяжении столетий служившим фокусом национально-религиозных устремлений еврейского народа. Показательно, что в своих мемуарах Д. Бен-Гурион отметил тот факт, что после Шестидневной войны в правительстве были споры относительно последующей судьбы занятых территорий, не обозначив четко ни свою, ни чью-либо иную позицию ни по какому вопросу, кроме судьбы Иерусалима, который он требовал всячески укреплять в качестве единой и неделимой столицы Государства Израиль¹⁷.

Вместе с тем согласие на отказ от израильского контроля над теми или иными занятыми территориями не означало их автоматического возвращения прежним владельцам: в частности, и план военной разведки, и идеи, выдвинутые Д. Бен-Гурионом, говорили не о возвращении Западного берега под контроль Иордании, а о создании там той или иной формы палестинского самоуправления. На то было несколько причин. Во-первых, Иордания в 1949 году аннексировала эти территории вопреки нормам международного права, ибо, согласно решению Генеральной Ассамблеи ООН, они должны были стать частью Палестинского государства. Иорданскую аннексию Восточного Иерусалима и Западного берега Иордана признали лишь отдельные государства, в частности Великобритания и Пакистан, и израильские руководители не считали себя обязанными восстанавливать существовавшую ситуацию. Во-вторых, как верно отметила историк Анита Шапира, после Шестидневной войны израильское руководство относилось к королю Хусейну как к «предавшему союзнику»: израильтяне, под гарантии американцев, обещали ему, что никогда не будут оспаривать его правление в Восточном Иерусалиме и на Западном берегу, требуя от него только одного – неприсоединения к каким-либо антиизраильским военным пактам, прежде всего

¹⁵ См.: Рэндалл и Уинстон Черчилль-мл. *Шестидневная война*, с. 281–282.

¹⁶ См.: Григорий Меламедов и Алек Д. Эпштейн. *Дипломатическая битва за Иерусалим*. – Москва; Иерусалим: ИСАА при МГУ им. Ломоносова – Институт Ближнего Востока – «Мосты культуры», 2008, с. 195–196.

¹⁷ См.: Давид Бен-Гурион. *Обновленное Государство Израиль*. том 2, с. 833–835.

создаваемым Г.-А. Насером¹⁸. Хусейн же присоединился к Насеру, и израильское руководство не считало себя более связанным джентльменским соглашением с ним. При этом контролировать жизнь миллиона с лишним палестинских арабов многие в Израиле тоже не стремились, в результате чего и возникла эта концепция отказа от контроля над большей частью территорий Западного берега без их возвращения прежнему владельцу. «Западный берег нечего возвращать Хусейну, но присоединение его к Израилю означает включение в страну миллиона арабов. Это серьезная опасность», – говорил Д. Бен-Гурион, считая при этом, что «из Иерусалима уходить нельзя, нужно как можно быстрее увеличить еврейское население города. То же и с Хевроном»¹⁹.

Д. Бен-Гурион также постепенно сформировал позицию против возвращения Голанских высот Сирии, но считал, что Синайский полуостров должен быть вновь возвращен Египту, как это было считанные месяцы спустя после войны 1956 года. «По-моему, надо потребовать прямых переговоров с Египтом, и, если Насер согласится на мир, а также на свободу судоходства в Эйлатском проливе и Суэцком канале, мы должны уйти с Синайского полуострова»²⁰. На эти предложения согласился спустя десять лет сменивший Г.-А. Насера на посту президента Египта Анвар Садат, и именно на таких условиях Синайский полуостров площадью шестьдесят тысяч квадратных километров был поэтапно полностью возвращен Египту.

¹⁸ См.: Аниша Шапира. *Игаль Алон. Годы весны*. – Иерусалим: Кетер, 2004, с. 488 [на языке иврит].

¹⁹ См.: Михаэль Бар-Зохар. *Бен-Гурион*, том 2, с. 292.

²⁰ См.: Михаэль Бар-Зохар. *Бен-Гурион*, том 2, с. 292.

Предложения профессора Юваля Неэмана

11 июня 1967 года, через два дня после того, как первый план по послевоенному урегулированию был подан премьер-министру Леви Эшколю, профессор Юваль Неэман (1925–2006) представил собственное видение положения²¹.

Юваль Неэман – без сомнения, один из самых ярких военных, ученых и политиков Израиля, наложивший неизгладимый отпечаток на развитие науки, армии и общественной жизни в стране. Он дважды в самые критические для военной разведки дни возглавлял ее в ранге временного исполняющего обязанности: в конце 1954 года, когда после скандального разоблачения израильской шпионско-диверсионной сети в Египте был отправлен в отставку Биньямин Джибли, и в конце 1973 года, когда после войны Судного дня был вынужден покинуть свой пост Эли Заира. В ходе суэцко-синайской войны 1956 года Ю. Неэман отвечал за координацию военного сотрудничества с Великобританией и Францией, а затем – за тайные связи Израиля с еврейскими общинами в исламских странах. При этом он входил в состав сверхсекретной Комиссии по атомной энергии, а после защиты в 1961 году докторской диссертации по физике в Лондонском университете (его научным руководителем был будущий нобелевский лауреат Абдус Салам²²) возглавил Институт ядерных исследований в Нахаль-Сорек. Весной 1963 года, когда Джон Кеннеди весьма настойчиво требовал от Д. Бен-Гуриона подробной информации об израильской ядерной программе, именно Ю. Неэман готовил для Д. Бен-Гуриона материалы, с помощью которых предполагалось избежать американского давления²³.

У Юваля Неэмана уже был опыт «пускания пыли в глаза» американцам относительно израильских ядерных разработок: 26 сентября 1962 года именно он был гидом второй американской делегации, допущенной на объект в Димоне, где активно создавался и уже вовсю работал Центр ядерных исследований. Военные направления работы Центра израильтяне тогда всячески скрывали – и в ходе того визита смогли заставить американцев поверить в то, во что им верить в общем-то не следовало²⁴. В 1965 году Ю. Неэману предлагали возглавить Комиссию по атомной энергии, однако он отказался, предложив кандидатуру профессора физической химии Исраэля Достровского, который в итоге и занял этот пост²⁵. Ю. Неэман же стал вице-президентом, а в 1971 году – президентом Тель-Авивского университета. В 1979 году он стал одним из создателей праворадикальной партии «Тхия» [«Возрождение»], от которой в 1981 году был избран в кнесет, оставаясь его членом до января 1990 года. Трижды входил в состав правительства: в качестве министра науки в кабинете во главе с Менахемом Бегиним в 1982–1983 годах, министра науки и технологии в первом правительстве Ицхака Шамира в 1983–1984 годах и министра науки и энергетики в четвертом правительстве И. Шамира в 1990–1992-м.

Несмотря на его редкие для израильской элиты праворадикальные взгляды, он и его родственники на протяжении многих десятилетий принадлежали к политическому и научному истеблишменту: его дядя и муж родной сестры, как и сам Ю. Неэман, были депутатами кнесета, а родная сестра и двоюродный брат, так же как и сам Ю. Неэман, играли важные роли в ведущих научных учреждениях Израиля и были удостоены за это высшей в

²¹ См.: Shlomo Gazit. *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories*, pp. 142–143.

²² Об Абдусе Саламе (1926–1996) см. в книге: *Лауреаты Нобелевской премии*. – М.: Прогресс, 1992, том 2, с. 348–351 [книга опубликована в переводе с издания на англ. языке, вышедшего в США в 1987 г.].

²³ См.: Seymour M. Hersh. *The Samson Option. Israel's Nuclear Arsenal and American Foreign Policy*. – New York: Vintage Books, 1993, pp. 120–121.

²⁴ См.: Avner Cohen. *Israel and the Bomb*. – New York: Columbia University Press, 1998, p. 112.

²⁵ См.: Avner Cohen. *Israel and the Bomb*. – New York: Columbia University Press, 1998, p. 226.

стране Государственной премии²⁶. Принимая во внимание биографические данные Юваля Неэмана и особенности того круга, к которому он принадлежал, представляется очевидным, насколько нерядовым был его статус, позволявший ему представлять на рассмотрение высшего руководства страны планы и предложения по самым центральным военно-политическим вопросам.

Предложения профессора Ю. Неэмана принципиально отличались от идей, выдвинутых руководителями разведывательного управления Армии обороны Израиля: он предлагал не возвращаться к границам, существовавшим до начала войны, а, напротив, объявить постоянными границами Израиля линии разъединения войск, возникшие по ее окончании. Тем самым в состав Израиля включались бы и Западный берег, и сектор Газы, и Голанские высоты, и весь Синайский полуостров. При этом Юваль Неэман допускал, что включение всего Синая в состав Израиля мало реалистично (площадь Синайского полуострова втрое больше площади суверенной территории Израиля в границах 1949–1967 годов) и, возможно, рано или поздно большую его часть придется вернуть Египту. Его предложение мотивировалось необходимостью установления «естественных и легко обороняемых границ». Иными словами, теоретически Ю. Неэман допускал в будущем возможность возвращения Синайского полуострова Египту, хотя историческая справедливость требует отметить, что, когда во второй половине 1970-х годов в ходе израильско-египетских переговоров данный вопрос оказался на повестке дня, Ю. Неэман категорически противился передаче этой территории под египетский контроль. При этом он выступал за публичное декларирование Израилем своего намерения полностью контролировать всю территорию Палестины/Эрец-Исраэль в границах британского мандата, как они были определены Лигой Наций в июле 1922 года. В ходе войны 1948 года большая часть территории британского мандата (20,5 тыс. км²) оказалась под контролем Израиля, но около 7 тыс. км² (территории Иудейской пустыни, Самарии, Иорданской долины и сектора Газы) были заняты Иорданией и Египтом. В ходе войны июня 1967 года под контролем Израиля оказалась вся территория бывшего британского мандата, и Юваль Неэман призывал открыто объявить о заинтересованности Израиля в сохранении своего контроля над всеми этими землями. Именно поэтому его план полностью противоречил той готовности к масштабным территориальным уступкам, которые были зафиксированы в предложениях военной разведки.

Вместе с тем Юваль Неэман в полной мере осознавал остроту демографической проблемы. На территории Западного берега, где тогда жили шестьсот тысяч арабов, он предлагал создать палестинский анклав, объединенный с Израилем в рамках федерации, причем исключительное право проведения внешней и оборонной политики оставалось за израильским руководством. Более того, создаваемый палестинский анклав, по замыслу профессора Ю. Неэмана, не должен был иметь общих границ ни с одним арабским государством. Таким образом, израильская часть федерации, включая Синайский полуостров, должна была иметь площадь около 100 тысяч км², а палестинская – около 9 тысяч км². В целях решения проблемы палестинских беженцев, находившихся в лагерях в секторе Газы, Ю. Неэман предла-

²⁶ Дядя Юваля Неэмана, Изхар Харари (1908–1978), был депутатом кнессета первых семи созывов. Родная младшая сестра Ю. Неэмана Рут, в замужестве Бен-Израэль, была профессором трудового права в Тель-Авивском университете (который, напомним, ее старший брат в первой половине 1970-х годов возглавлял), короткое время была также деканом юридического факультета, в 2001 году ей была присуждена Государственная премия Израиля (которую Ю. Неэман получил еще в 1969 году). Двоюродный брат Ю. Неэмана Хаим Харари, как и он сам, профессор физики, также был удостоен Государственной премии (в 1989 году), на протяжении тринадцати лет (с 1988 по 2001 год) возглавлял ведущее учреждение Израиля в области естественных и точных наук – Институт им. Вейцмана, а в 1979–1985 годах стоял во главе Совета по высшему образованию Израиля. Муж сестры Ю. Неэмана, адвокат Гидеон Бен-Израэль, как и сам Ю. Неэман и его дядя, был членом кнессета (в 1959–1965 годах от правившей в те годы Рабочей партии, затем последовал за Д. Бен-Гурионом в основанную им партию РАФИ). В 1973–1989 годах Г. Бен Израэль входил в ЦК Федерации профсоюзов Израиля, а в 1973–1983 годах и в ее исполком, в 1981–1990 годах возглавлял организационный отдел Федерации профсоюзов.

гал включить в состав палестинской части федерации город Эль-Ариш на Синайском полуострове, на побережье Средиземного моря, и расселить беженцев там.

Несмотря на то что, согласно израильским данным, в августе 1967 года население Эль-Ариша не достигало и тридцати тысяч человек, этот район занимал значительное место в израильской общественно-политической полемике²⁷. С 1517 года Эль-Ариш находился под властью Османской империи. 20 февраля 1799 года в Эль-Ариш вошел Наполеон со своими войсками и без труда завладел городом. В 1768 году наместник Каира Али-бей (1728–1773) провозгласил независимость Египта от Османской империи, а себя – независимым правителем страны граница прошла в традиционном месте – по вади Эль-Ариш. Но в 1895 году в результате англо-турецкого соглашения, граница была отодвинута восточнее, до Рафияха. В начале XX века средиземноморское побережье Синая было весьма мало заселено. Это позволило Т. Герцлю (1860–1904) и Д. Тричу (1870–1935) выдвинуть в 1902 году проект заселения этого района евреями. В этом же году в результате встречи Т. Герцля с Дж. Чемберленом весь район Эль-Ариша, включая долину Пелузия, был предназначен для еврейского заселения. По просьбе генерального консула Великобритании в Египте лорда Кромера для изучения «проекта Эль-Ариша» была создана специальная комиссия, руководителем которой Т. Герцль назначил лидера южноафриканских сионистов Л. Кесслера (1864–1944), инженера по специальности. В начале 1903 года комиссия вместе с генеральным инспектором департамента геологии и геодезии Египта Т.Н.С. Хамфразом, горячим сторонником проекта, выехала для обследования местности. Комиссия опубликовала отчет, согласно которому Эль-Ариш пригоден для заселения, если в район будет подведена вода из Нила. Однако лорд Кромер, решив, что осуществление проекта повлечет за собой административные проблемы в Египте, рекомендовал египетскому правительству отклонить проект, ссылаясь на невозможность использования воды Нила для ирригационных нужд поселений. Попытки Т. Герцля спасти проект путем уменьшения района поселения (до окрестностей Эль-Ариша) и даже отказом от использования вод Нила успехом не увенчались. На Шестом сионистском конгрессе в 1903 году Т. Герцль сообщил о провале «проекта Эль-Ариш». После смерти Т. Герцля его преемник Давид Вольфсон возобновил в 1906 году переговоры с британским правительством об Эль-Арише при посредничестве Л.Дж. Гринберга (1861–1931). В поддержку проекта высказался Д. Ллойд-Джордж, однако из-за напряженности на границе с Османской империей в Синае план не был осуществлен.

В ходе войны 1948 года район Эль-Ариша служил местом концентрации египетских вооруженных сил вторжения. В декабре 1948 года израильская армия заняла позиции к югу от Эль-Ариша, но ввиду британского ультиматума – угрозы прямого участия в войне английской армии на стороне арабских войск – была вынуждена отойти к так называемой международной границе по линии Рафиях – Таба (см. выше об англо-турецком соглашении 1895 года) и даже восточнее, уступив Египту сектор Газы.

В октябре 1956 года в ходе синайско-суэцкой войны израильские силы заняли сектор Газы, район Эль-Ариш и весь Синайский полуостров, но в феврале 1957 года полностью оставили эти районы, отойдя к так называемой зеленой черте. В июне 1967 года израильские силы заняли район Эль-Ариш в третий раз.

За шесть с половиной десятилетий до этого лидеры сионистского движения воспринимали район Эль-Ариш в качестве места, которое поможет решить проблему еврейских беженцев из Восточной Европы и других регионов мира, когда вождеденная Палестина/Эрец-Исраэль была для них недоступной. В 1948 году на части территории Палестины/Эрец-Исраэль было создано Государство Израиль, которое менее чем через год

²⁷ См. статью «Эль-Ариш» в «Краткой еврейской энциклопедии», том 10. – Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 2001, с. 605–607.

после Шестидневной войны готовилось отметить свое двадцатилетие. Воспринимая всю Палестину/Эрец-Исраэль как территорию еврейского государства, Юваль Неэман предлагал использовать Эль-Ариш с точностью до наоборот относительно планов Т. Герцля, а именно – как площадку для решения проблемы палестинских беженцев, покинувших насиженные места в 1947–1949 годах в связи с созданием Израиля и последовавшей за этим войной²⁸. Однако этот план постигла та же судьба, что и план Т. Герцля за шестьдесят пять лет до этого: оба они остались нереализованными.

²⁸ См.: Алек Д. Эпштейн. *Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика*. – Москва: Институт Ближнего Востока, 2005, с. 72–105.

Меморандум группы сотрудников «Моссада» и военной разведки

Спустя считанные дни после подачи Ш. Газитом своих предложений (см. выше), в недрах военной разведки был подготовлен новый меморандум, который был размножен в нескольких экземплярах и подан 14 июня главе правительства Леви Эшколю, министру обороны Моше Даяну, министру труда генералу в отставке Игалю Алону, министру информации, бывшему начальнику штаба «Хаганы» Исраэлю Галили и министру финансов Пинхасу Сапиру. Меморандум подписали четверо офицеров военной разведки, трое из которых до этого служили в службе внешней разведки «Моссад»: Алуф Харэвен²⁹, Ицхак Орон и Дан Кимхи; четвертым был Дан Бавли³⁰.

С перспективы дня сегодняшнего этот меморандум выглядит поистине поразительным, и просто невозможно поверить в то, что все его авторы – кадровые офицеры разведки и что он был подготовлен спустя считанные дни после Шестидневной войны, а не десятилетия спустя. В этом документе утверждалось, что, поскольку конфликт Израиля с палестинскими арабами является важнейшей и центральной составляющей всего арабо-израильского конфликта, его разрешение – жизненный интерес еврейского государства. Офицеры разведки предложили – ни больше ни меньше – немедленно приступить к созданию Палестинского государства, утверждая, вопреки доминировавшей тогда эйфории, что время не работает на израильские интересы и что всякое промедление снижает шансы на урегулирование в будущем. В израильской военно-политической элите существовал почти всеобщий консенсус относительно того, что с течением времени арабские страны всё более свыкнутся с фактом поражения в войне и утраты ими территорий и будут готовы вести переговоры о мире с целью вернуть хотя бы часть потерянных земель. «Время работает на нас», – считал Моше Даян и многие другие в военном и политическом руководстве страны. «Наоборот, – утверждали авторы меморандума, – израильский интерес состоит в том, чтобы действовать как можно быстрее, чтобы извлечь максимальную пользу из того шокового состояния, в котором находились арабские страны и жители Западного берега. Чем больше времени пройдет после войны, тем слабее будет состояние шока и, как следствие, тем большие требования будут выдвигаться в отношении Израиля». Авторы меморандума опасались, что с течением времени арабская контрпропаганда может создать у арабского населения Западного берега ощущение, что «то, что было взято силой, может быть возвращено только силой» (слова египетского президента Г.А. Насера)³¹, и тогда вести переговоры о мире будет много сложнее. Кроме того, авторы меморандума обращали внимание на то, что после неизбежной в период окончания военных действий демобилизации резервистов численность израильских войск

²⁹ Самый известный в этой четверке – Алуф Харэвен, родившийся в Хайфе в 1927 году в семье, в которой сионистские взгляды сочетались с приверженностью к строительству мирных отношений с палестинскими арабами: его редкое имя «Алуф» выбрал дедушка, Ицхак Эпштейн (1863–1943) – один из первых исследователей и учителей языка иврит в Палестине/Эрец-Исраэль, входивший при этом в организацию «Брит шалом» [«Союз мира»]. А. Харэвен сделал успешную карьеру в армии, где он до 1964 года служил в исследовательском отделе военной разведки, а затем в «Моссаде». В 1970–1974 годах возглавлял отдел информации Министерства иностранных дел, а затем был директором Института им. Реувена Шилоаха (первый глава «Моссада») в Тель-Авивском университете. После этого работал в иерусалимском Институте Ван Лир. Автор пяти книг. В 1991 году был одним из основателей НКО «Сикуй» [«Шанс»], созданной в целях поддержки борьбы за равноправие израильских арабов. Его супруга – писательница и переводчица Шломит Харэвен (1930–2003) – была одной из основательниц и наиболее ярких лидеров леворадикального движения «Шалом ахшав» [«Мир сейчас»]. Его дочь – писательница Гиль Харэвен – выпустила в 2007 году альбом совместно с Ализой Ольмерт, супругой премьер-министра Эхуда Ольмерта, также известной своими леворадикальными взглядами.

³⁰ Этот документ был опубликован полностью в книге: Дан Бавли. *Надежды и упущенные возможности, 1967–1973*. – Иерусалим: Кармель, 2002, с. 247–251; анализ см. там же, на с. 134–138 [на языке иврит].

³¹ Цит. в переводе на русский язык по: Шимон Перес. *Новый Ближний Восток*. – М.: Прогресс, 1994), глава третья.

на контролируемых территориях резко сократится, вследствие чего опять-таки не факт, что местное арабское население будет воспринимать итоги войны как необратимые. Высказывались и опасения, касавшиеся возможного (и предсказуемого) недовольства Иордании, – и опять-таки утверждалось, что и по этой причине вопрос желательно «закрывать» как можно скорее.

Авторы меморандума предлагали создание Палестинского государства на территории как Западного берега, так и Газы, со столицей, максимально приближенной к муниципальным границам Иерусалима. Они также выступали за то, чтобы Израиль ходатайствовал о приеме этого государства в ООН. Они настаивали на том, что это государство не должно будет иметь своих вооруженных сил, а только полицию и что патрулирование территории должно проводиться совместными израильско-палестинскими бригадами (кстати сказать, этот принцип совместного израильско-палестинского патрулирования был зафиксирован уже в 1990-е годы в так называемых Соглашениях Осло). Предлагалось заключение между Израилем и создаваемым Палестинским государством серии договоров в сфере обороны, экономического сотрудничества, туризма, налогообложения и т. д. Планировалось, что процесс создания Палестинского государства займет не более нескольких недель, после чего оно в течение месяца подпишет мирный договор с Израилем; далее два государства должны были совместно обратиться к арабским странам с призывом о заключении всеобъемлющих двусторонних и региональных мирных соглашений.

Основными задачами создания Палестинского государства авторы меморандума считали обеспечение интересов безопасности Израиля (в этой связи и выдвигались требования демилитаризации Палестинского государства) и сохранение в нем еврейского большинства. Для обеспечения второй цели они выступали даже за ограниченный обмен территориями (о чем в израильской политике заговорили лишь в начале XXI века инициаторы так называемого Женевского соглашения и Авигдор Либерман), предлагая передать Палестинскому государству часть населенных арабами деревень на суверенной территории Израиля в качестве компенсации за аннексию Израилем Восточного Иерусалима и Латрунского коридора. Лейтмотив их рассуждений был таков: обеспечение израильских интересов возможно только тогда, когда будет заключено мирное соглашение с палестинскими арабами на основе принципов взаимоуважения. Одной строкой упоминалась и проблема беженцев: «Будет проверена возможность расселения [палестинских] беженцев в районе Эль-Ариш в Синае» (статья 10, часть 2, п. 5 Меморандума). Идея о переселении палестинских беженцев 1948 года из густонаселенной Газы (речь фактически шла только о беженцах, живших там) в район Эль-Ариша подробнее рассматривалась и в предложениях профессора Ю. Неэмана (см. выше), однако там речь шла не о Палестинском государстве на территориях Западного берега и Газы, а, наоборот, об аннексии этих земель. Кроме того, в меморандуме говорилось о создании международного фонда, в который бы часть средств внес и Израиль, для выплат компенсаций беженцам за покинутое ими имущество (эта идея вновь возникла на переговорах только в 2000 году и была зафиксирована в так называемых параметрах Клинтона).

Не найдено данных о том, что члены правительства провели какое-либо коллективное обсуждение данного меморандума; по крайней мере, ни Давид Кимхи, ни Дан Бавли ничего об этом не знают. По их воспоминаниям, резко против выступили Аба Эвен и Шимон Перес, а также генерал Хаим Герцог, бывший, как и его брат Яаков (см. ниже), сторонником поиска общего языка не с палестинцами, а с королем Иордании³². В результате ни одно из предложений, зафиксированных в меморандуме, реализовано в то время не было.

³² См.: Акива Эльдар. 14 июня 67-го они уже сформулировали Договор // «Хаарец» [«Страна»], 5 июня 2007 г. [на языке иврит].

Предложения Моше Даяна

12 июня 1967 года министр обороны Моше Даян (1915–1981) после беседы с премьер-министром Леви Эшколем собрал своих помощников и дал им указание проанализировать ситуацию, возникшую после окончания военных действий, и сформулировать предложения, с которыми выступит Министерство обороны.

Положение самого М. Даяна было в те дни отнюдь не простым. Пост министра обороны он занял менее чем за две недели до этого, исключительно в преддверии войны, причем это назначение было навязано Л. Эшколю вопреки его воле. Было совсем не очевидно, что по окончании войны Леви Эшколь не попытается вернуть себе контроль над Министерством обороны, поблагодарив М. Даяна за успешную работу и отправив его в отставку.

Для большинства израильтян М. Даян, родившийся в сельскохозяйственном поселении Нахалаль в 1915 году, был национальным героем, легендарным бойцом и талантливым командиром, возглавлявшим Генеральный штаб израильской армии в ходе победной суэцко-синайской кампании 1956 года. В 1963 году Леви Эшколь, не имевший какого-либо военного опыта, сменил Давида Бен-Гуриона не только на посту премьер-министра, но и в должности министра обороны, и в общем четыре года подобное положение дел не вызывало особых нареканий. Однако в условиях конца мая 1967 года, когда новая война казалась более чем вероятной, как в политической элите, так и среди широких слоев общества крепло убеждение в том, что Л. Эшколь не может больше оставаться во главе Министерства обороны; звучали и требования о его уходе с поста главы правительства.

Наибольшую активность проявлял Шимон Перес, ратовавший за повторное (подобно тому, как это случилось в 1955 году) возвращение Давида Бен-Гуриона. Как известно, пробыв год в отставке, Д. Бен-Гурион вернулся в правительство – вначале в качестве министра обороны, а затем и главы правительства. Двенадцать лет спустя Шимон Перес предлагал повторить тот же опыт, причем возвращение Д. Бен-Гуриона готовы были поддержать 50 из 120 депутатов кнесета, в том числе ревизионисты, либералы и представители национально-религиозной партии во главе с Моше-Хаимом Шапирой³³. Эту идею поддержал и лидер правоцентристского блока Менахем Бегин, который, несмотря на многолетний бойкот руководимой им партии со стороны Д. Бен-Гуриона, очень ценил экс-премьера как одного из самых выдающихся государственных деятелей столетия. Как это ни трудно себе представить, именно М. Бегин, готовый в начале 1952 года поднять народ на гражданскую войну против правительства Д. Бен-Гуриона, пятнадцать лет спустя предложил Л. Эшколю уступить Д. Бен-Гуриону пост главы исполнительной власти в стране³⁴. Сам Д. Бен-Гурион сравнивал предложение об отставке Л. Эшколя с тем, «как это было сделано в 1940 году в Англии по отношению к премьер-министру Чемберлену»³⁵. Однако, в отличие от Моше Шарета, согласившегося в 1955 году вернуть Д. Бен-Гуриону бразды правления, Леви Эшколь проявил неожиданную при его мягком характере твердость, отказавшись уходить добровольно. Д. Бен-Гурион же подверг Л. Эшколя уничижительной критике, назвав его «лжецом», а факт его нахождения во главе кабинета министров (куда сам Д. Бен-Гурион его и протолкнул в 1963 году) «позором» и «национальной катастрофой»³⁶, и эта уничижительная критика сделала невозможной возвращение экс-премьера хотя бы в Министерство обороны. Для мас-

³³ См.: Рэндалл и Уинстон Черчилль-мл. *Шестидневная война*, с. 90.

³⁴ См.: Йоси Гольдштейн. *Эшколь. Биография*. – Иерусалим: Кетер, 2004, с. 551 [на языке иврит].

³⁵ См.: Михаэль Бар-Зохар. *Бен-Гурион*, том 2, с. 284.

³⁶ См.: Ами Глуска. *Эшколь, дай приказ!* – Тель-Авив: изд-во Министерства обороны Израиля, 2004, с. 342 [на языке иврит].

штабных политических пертурбаций времени не было совсем, и тогда возникла другая идея – назначение на пост министра обороны Моше Даяна – человека, близкого Д. Бен-Гуриону и ушедшего вместе с ним из Рабочей партии в РАФИ, но при этом готового работать с Л. Эшколем (следует отметить, что после назначения за все дни войны М. Даян ни разу не встретился с Д. Бен-Гурионом и не спросил его совета ни по одному вопросу, ограничившись передачей ему сообщений через доверенных лиц³⁷). Высказывалось и предложение о назначении министром обороны Шимона Переса³⁸, уже работавшего генеральным директором этого министерства, а затем – до 25 мая 1965 года – заместителем министра (позднее Ш. Перес все-таки стал министром обороны, но это случилось только в июне 1974 года).

Переговоры с членами правительства о предоставлении М. Даяну одного из двух ключевых постов – премьера или министра обороны – продолжались без какого-либо результата в течение вторника, 30 мая и среды, 31 мая. Л. Эшколь настаивал на том, что сможет остаться и во главе правительства, и во главе Министерства обороны, предлагая создать консультативный совет в составе бывших начальников Генерального штаба Игалья Ядина, Моше Даяна, Хаима Ласкова и бывшего командующего ПАЛЬМАХом

Игалья Алона³⁹. Голда Меир, тогда Генеральный секретарь Рабочей партии, активно поддержала Л. Эшколя, заявив, что назначение М. Даяна министром обороны равнозначно добровольному отказу партии от власти без боя в пользу «фашистов»⁴⁰. Министр образования Залман Аран сказал, что идея о назначении в сложившихся обстоятельствах министра обороны на полную ставку – здоровая идея, однако вера в то, что этим человеком непременно должен быть М. Даян, – массовый психоз. Его поддержал еще один министр, Израэль Иешаяху: «Государство не нуждается в спасителе!»⁴¹ Сам М. Даян был пессимистически настроен и подавлен. Л. Эшколь был готов ввести его в кабинет, предлагая ему пост заместителя премьера и членство в межминистерской комиссии по оборонно-политическим вопросам, в которой состояли тринадцать человек. Оба поста были сопряжены с ответственностью без власти, и это было не то, что М. Даян и его сторонники согласны были принять. В ту же ночь М. Даян встретился с Л. Эшколем и заявил ему, что если тот не может предложить ему портфель министра обороны, то он готов служить в любом качестве в армии, подчиняясь начальнику Генерального штаба Ицхаку Рабину, предпочитая, однако, должность командующего Южным фронтом (т. е. отвечая за военные действия на самом ответственном участке фронта – на границе с Египтом). Ночью 31 мая Л. Эшколь дал свое согласие на назначение М. Даяна командующим Южным фронтом (при этом судьба командующего Южным округом генерала И. Гавиша становилась совершенно неясной; сам он отказался работать помощником М. Даяна в округе, которым лишь недавно сам командовал)⁴². До заседания кабинета, на котором обсуждался этот вопрос, М. Даян не обговорил факт своего назначения командующим Южным фронтом ни с И. Гавишем, ни с начальником Генерального штаба И. Рабином. Когда же им рассказали об этом, оба они, не сговариваясь, предложили, что уйдут в отставку и освободят свое место для М. Даяна. Последний, однако, поклялся, что не стремится вернуться на пост начальника Генерального штаба, который он занимал в 1950-е годы⁴³.

Одновременно с этим активизировались и сторонники другого генерала в отставке – тогдашнего министра труда и социального обеспечения Игалья Алона, вернувшегося из

³⁷ См.: Михаэль Бар-Зохар. *Бен-Гурион*, том 2, с. 288–290.

³⁸ См.: Йоси Гольдштейн. *Эшколь. Биография*, с. 552.

³⁹ См.: Том Сегев. 1967, с. 331.

⁴⁰ См.: Ами Глуска. *Эшколь, дай приказ!* с. 344.

⁴¹ См.: Том Сегев. 1967, с. 332.

⁴² См.: Ами Глуска. *Эшколь, дай приказ!*, с. 345.

⁴³ См.: Том Сегев. 1967, с. 333–334.

Советского Союза, где он находился с двухнедельным визитом⁴⁴. Л. Эшколь недвусмысленно признал, что ему было бы проще работать с И. Алоном, а не с М. Даяном, и целый ряд влиятельных министров, среди которых были Залман Аран, Исраэль Галили и Моше Кармель, выступили в поддержку кандидатуры И. Алона. В условиях, когда на горизонте маячило утверждение в качестве министра обороны И. Алона (сам И. Алон очень стремился занять этот пост, предлагая одновременно с этим в качестве компенсации назначить М. Даяна вице-премьером, но без определенного круга министерских обязанностей⁴⁵), сторонники М. Даяна перешли к активным действиям. Лидеры ревизионистов, религиозных сионистов, фракции свободных либералов и РАФИ предъявили Л. Эшколю согласованный ультиматум, требуя назначения только и исключительно М. Даяна. В 2 часа дня 1 июня Л. Эшколь, пытаясь избежать назначения М. Даяна, предложил новую кандидатуру на пост министра обороны – Игаль Ядина (1917–1984), также бывшего начальника Генерального штаба, впоследствии ставшего профессором археологии Иерусалимского университета (тяга к археологии отличала, кстати, и М. Даяна)⁴⁶. Однако поддержан Л. Эшколь не был, да и И. Ядин, видя расстановку сил, взял самоотвод. Вечером 1 июня решение о назначении М. Даяна было принято и утверждено правительством.

Нужно сказать, что, несмотря на свой героический ореол и несмотря на высочайший статус армии и высших офицеров в израильском обществе, политическая карьера М. Даяна развивалась отнюдь не феерически. После демобилизации из армии он в 1959 году был избран в кнесет и назначен министром сельского хозяйства в правительстве Д. Бен-Гуриона. После того как премьер-министром стал Л. Эшколь, М. Даян сохранил свой пост, но не более того. 4 ноября 1964 года он ушел в отставку и на протяжении двух с половиной последующих лет оставался членом кнесета, но не входил в состав правительства. По словам Р. и У. Черчиллей, «М. Даян был введен в кабинет, потому что правительство Л. Эшколя не смогло уклониться от двух неотвратимых выводов: у Израиля нет иной альтернативы, как сражаться, и израильскому правительству необходим М. Даян, потому что этого требует народ и потому что оно нуждается в его знаниях, отваге и оптимизме. Подобно тому как понадобился А. Гитлер, чтобы У. Черчилль стал в 1940 году премьер-министром, так, по словам М. Даяна, сказанным им незадолго до начала войны, “потребовалось 80 тысяч египетских солдат, чтобы ввести меня в израильский кабинет”»⁴⁷. Однако после того как египетская армия была разгромлена, политическая судьба самого М. Даяна не выглядела очевидной. Р. и У. Черчилли отмечают: «Вновь углубилась пропасть, разделявшая Эшколя и Даяна, и распространились слухи, что Даян будет вынужден выйти из правительства. Эшколь намекнул, что в недалеком будущем он совместит пост премьер-министра с постом министра обороны. 8 июля он зашел так далеко, что даже поставил под сомнение роль, которую Даян сыграл в войне: “Правительство могло остаться в прежнем составе, но некоторые министры, охваченные паникой, потребовали введения в кабинет Даяна, чтобы поднять дух народа перед началом войны”»⁴⁸. Дело осложнялось и личными отношениями, которые сложились между М. Даяном и начальником Генерального штаба И. Рабином: биограф последнего характеризует отношение к нему министра обороны как «враждебное»⁴⁹.

⁴⁴ См.: Анита Шапира. *Игаль Алон. Годы весны*. с. 481–482.

⁴⁵ К сожалению, в посвященной событиям 1967 года главе в книге И. Алона об этом не упоминается ни единым словом; см.: И. Аллон. *Щит Давида*. – Иерусалим: Библиотека Алия, 1985, с. 280–283 [перевод с издания на англ. языке, опубликованного в 1970 г.].

⁴⁶ См.: Рэндалл и Уинстон Черчилль-мл. *Шестидневная война*, с. 92–93.

⁴⁷ См.: Рэндалл и Уинстон Черчилль-мл. *Шестидневная война*, с. 94.

⁴⁸ См.: Рэндалл и Уинстон Черчилль-мл. *Шестидневная война*, с. 284

⁴⁹ См.: Йоси Гольдштейн. *Рабин. Биография*. – Тель-Авив: Шокен, 2006, с. 191–196 [на языке иврит].

В этих условиях выдвижение М. Даяном собственной программы было важным шагом, оправдывавшим продолжение его нахождения в числе высших руководителей страны.

Относительно будущего Западного берега и остальных занятых в ходе Шестидневной войны территорий М. Даян отметил, что главное, что должно определять израильскую политику на этом направлении, это демографические соображения: если перед Израилем встанет дилемма, дать гражданство более чем миллиону арабов, живших в то время на Западном берегу и в Газе, или же отдать эти территории, то вторая возможность казалась М. Даяну предпочтительнее⁵⁰. В этом смысле он вполне разделял подход, изложенный в проанализированных выше предложениях Ш. Газита и Д. Бен-Гуриона.

Особенно важными М. Даян считал отношения с США как с единственной страной, способной нейтрализовать советское влияние в ООН и помочь Израилю в проведении его политики. М. Даян считал крайне важным, чтобы любой план, принятый израильским правительством, был согласован с США. Учитывая, что в то время стратегический альянс Израиля и США только складывался, а американская финансовая помощь Израилю начала поступать только семь лет спустя, в 1974 году, подобное видение ситуации М. Даяном отнюдь не было само собой разумеющимся.

Что касается Западного берега и других занятых Израилем территорий, то здесь М. Даян видел два варианта решения проблемы. Наиболее реалистичной и предпочтительной ему казалась перспектива создания на Западном берегу некой формы автономии (но не независимого государства), на территории которой будут расселены и беженцы из лагерей в секторе Газы. При этом прерогатива определения и ведения внешней и оборонной политики, как и в проанализированном выше предложении Ю. Неэмана, должна была сохраняться за Израилем.

Значительно менее реалистичной, но все же возможной казалась М. Даяну идея возвращения Западного берега под контроль Иордании. Однако М. Даян выдвигал два условия, каждое из которых было заведомо весьма проблематичным для короля Хусейна. Во-первых, он требовал полной демилитаризации Западного берега или даже сохранения на нем израильского военного присутствия, а во-вторых, настаивал на расселении там беженцев из сектора Газы, которым египетские власти за восемнадцать с лишним лет своего там правления так и не предоставили гражданства. Учитывая крайне напряженную систему отношений между Египтом и Иорданией как во времена правления короля Фарука и эмира Абдаллы, так и в период правления Г.-А. Насера и короля Хусейна (власть в двух странах менялась почти синхронно, и в обоих государствах был двухгодичный «переходный» период, когда Египтом руководил М. Нагиб, а Иорданией – король Талаль), не было причин думать, что хашимитское руководство примет идею интеграции сотен тысяч палестинских арабов, живших на протяжении почти двух десятилетий под властью режима, пропагандистская машина которого прививала им ненависть к Иордании и ее правителям. Еще более странной была гипотеза о том, что король Хусейн может согласиться на сохранение на своей территории израильского военного присутствия. Иными словами, в отличие от предложения военной разведки, выступившей за возвращение под арабский контроль занятых в 1967 году территорий, Моше Даян реально выступил с совершенно другой идеей, сердцевинной которой было формирование палестинской автономии под израильским патронажем.

М. Даян изложил свои взгляды в интервью, которое было записано на пленку 9 июня, т. е. еще до окончания боев на Голанских высотах, но вышло в эфир 11 июня, т. е. уже после войны. М. Даян сформулировал следующие предложения:

1. Ни полоса Газы, ни Западный берег не будут возвращены соответственно Египту и Иордании.

⁵⁰ См.: Shlomo Gazit. *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories*, pp. 144–145.

2. Израиль сохранит за собой Иерусалим и обеспечит свободу вероисповедания для представителей всех конфессий.

3. Израильские войска останутся в Шарм аш-Шейхе, пока не будут получены надежные гарантии свободы судоходства в районе Эйлата.

4. Должен быть обеспечен и гарантирован беспрепятственный проход израильских судов через Суэцкий канал.

5. Все спорные вопросы, существующие между Израилем и арабами, должны быть решены в прямых переговорах между сторонами⁵¹.

Подход М. Даяна был намного более жестким, чем предложения непосредственно подчиненной ему военной разведки, но в целом был похож на идеи, сформулированные Д. Бен-Гурионом – на тот момент главой партии РАФИ, в которой М. Даян состоял. Однако важно отметить: ни о будущем Синайского полуострова, ни о политической судьбе Голанских высот в предложениях М. Даяна не сказано ни слова. Это, разумеется, не было случайным, и за непримиримой жесткостью озвученной позиции сохранялись обширные возможности для политического маневрирования.

М. Даян поручил своим помощникам подготовить материалы, которые должны были позволить ответить на три вопроса: какими должны быть границы арабской автономии в составе Израиля? Какое количество израильских войск и местной арабской полиции понадобится для поддержания порядка в автономии? Какой может быть реакция местных палестинских лидеров на данные предложения? Он также дал задание собрать максимально полную статистику о населении, экономике, водных и земельных ресурсах этих территорий.

Как и можно было ожидать, премьер-министр Л. Эшколь отнесся к предложениям М. Даяна как минимум настороженно, заявив 15 июня, что разработка планов относительно будущего контролируемых территорий не находится в компетенции Армии обороны Израиля и Министерства обороны. Согласно решению Л. Эшколя, только правительство в целом могло разрабатывать подобные планы и только лично премьер-министр мог их утверждать или отклонять. Представляется, что по сути Л. Эшколь был вполне солидарен с предложениями М. Даяна как в том, что касалось необходимости углубления израильско-американского стратегического диалога, горячим сторонником которого он был, так и в вопросе об автономии (на протяжении двух последующих лет, оказавшихся последними годами его жизни, Л. Эшколь двигался именно в этом направлении, проведя не менее восьми личных встреч с лидерами и старейшинами палестинского населения Западного берега⁵²). Однако после войны Л. Эшколь боялся, что его глава армии М. Даян перехватит инициативу – парадоксальным образом ровно так же, как несколькими неделями ранее того же самого боялся и стремился избежать президент Египта Г. А. Насер в отношениях со своим рвавшимся в бой министром обороны А. Х. Амером. М. Даян не считал нужным провоцировать Л. Эшколя, подчинившись решению премьер-министра и запретив Министерству обороны, Армии обороны Израиля и Генеральному штабу по своей инициативе подавать в правительство планы, касавшиеся судьбы занятых территорий. Л. Эшколь напомнил, что в Израиле армия подчинена гражданской власти, и М. Даян принял это положение вещей, сделав соответствующие выводы. В результате он оставался на посту министра обороны еще семь лет, до июня 1974 года, до конца жизни Л. Эшколя и последующие пять лет после его смерти, когда правительство возглавляла уже Голда Меир. Постепенно его политическое влияние росло, но в середине июня 1967 года он явно не был готов бросить вызов премьер-министру.

⁵¹ См.: Рэндалл и Уинстон Черчилль-мл, *Шестидневная война*, с. 283.

⁵² См.: Моше Сассон. Арабо-израильские переговоры в исторической перспективе // *Общество и политика современного Израиля* // Под ред. А.Д. Эпштейна и А.В. Федорченко. – Москва; Иерусалим: Мосты культуры, 2002, с. 248.

Решение правительства Израиля от 19 июня 1967 года

18 и 19 июня 1967 года состоялись заседания кабинета министров, на которых обсуждались проблемы послевоенного урегулирования и границ. Совещания эти проходили в обстановке чрезвычайной секретности; несколько странным образом, на них даже не был приглашен начальник Генерального штаба И. Рабин, которого постфактум проинформировали о принятых решениях⁵³. Протоколы этих заседаний были открыты для исследователей только в январе 2006 года, и то лишь частично⁵⁴. Ключевые обсуждения проходили в межминистерской комиссии по оборонно-политическим вопросам, а ее протоколы не рассекречены до сих пор.

Малоизвестным является тот факт, что основополагающие решения, на десятилетия определившие израильскую политику на контролируемых территориях, были приняты на неформальном совещании, прошедшем в доме премьер-министра Л. Эшколя спустя три дня после окончания войны, 13 июня 1967 года⁵⁵. В обсуждении участвовали всего шесть человек: кроме самого Л. Эшколя, это были: министр иностранных дел Аба Эвен, министр обороны Моше Даян, министр труда и соцобеспечения Игаль Алон, министр информации, бывший глава штаба «Хаганы» (в 1946–1948 годах) Исраэль Галили и экс-начальник Генерального штаба (в 1949–1952 годах) Игаль Ядин, в то время вообще не бывший ни министром, ни депутатом кнессета.

Л. Эшколь был настроен крайне скептически относительно возможностей мирного урегулирования с арабами вообще и с палестинцами в частности. Исходя из этого, он полагал, что Израиль должен делать то, что считает нужным, не особенно задумываясь о том, насколько те или иные шаги могут служить препятствием на пути к мирному урегулированию. Так как, по его глубокому убеждению, арабы в подобном урегулировании не заинтересованы в принципе, что будет, а что не будет делать Израиль, реального значения в направлении движения к миру не имеет. Л. Эшколь, грубо говоря, руководствовался пословицей о том, что «сколько волка не корми, он все равно в лес смотрит».

При этом Л. Эшколь не считал, что отсутствие стремления арабской стороны к миру и стремление тех или иных арабских лидеров стереть еврейское государство с лица земли делают легитимной любую, даже самую жесткую израильскую политику. В феврале 1969 года его спросили, вернется ли Израиль к линиям до 1967 года. «Договоры о прекращении огня [1949 года, определившие «зеленую черту»] мертвы и забыты, – ответил он, однако продолжил: – Нам не нужно никаких заселенных земель Западного берега, таких как Шхем, Дженин и так далее. Мы говорим лишь, что река Иордан должна стать надежной границей Израиля со всеми вытекающими отсюда последствиями. Наша армия будет располагаться только на узкой полоске вдоль этой границы»⁵⁶. Кроме того, по его мнению, из того факта, что арабы не признают Израиль, никаких выводов в направлении репрессий против арабского населения делать не следовало. В декабре 1966 года именно правительство во главе с Л. Эшколем отменило режим военных администраций, которому с 1949 года были подчинены арабские жители Израиля. Леви Эшколь был прагматичным политиком, вполне готовым к далеко идущим территориальным компромиссам при условии, что арабские страны при-

⁵³ См.: Йоси Гольдштейн. *Рабин. Биография*. с. 189.

⁵⁴ Первым об обнародованных протоколах написал историк и публицист Том Сегев, см. его статью «Когда Газа была Иерусалимом» // «Хаарец» – еженедельное приложение, 5 января 2006 г. [на языке иврит].

⁵⁵ Единственным источником, где удалось найти информацию об этом совещании, является книга Йоси Гольдштейна «Эшколь. Биография», с. 580–581.

⁵⁶ Интервью Леви Эшколя было опубликовано в журнале «Newsweek» 17 февраля 1969 г.

знают Израиль и заключат с ним полноценные мирные соглашения. Пока же этого не происходило, он считал оптимальной политику «свершившихся фактов», утверждая, что никакого вреда возможному мирному процессу эта политика не принесет, ибо любое принятое решение может в будущем быть отменено. Трудно сказать, отдавал ли Л. Эшколь себе отчет в том, что в реальной политике нет почти ничего более постоянного, чем временное. Сам он был сторонником именно политики временных решений, которые, однако, оставались в силе на протяжении десятилетий – зачастую вплоть до сегодняшнего дня.

По наиболее спорному вопросу – вопросу о границе с Иорданией – консенсуса среди членов «шестерки» достичь не удалось, и было принято решение отложить обсуждение этой темы на неопределенный срок. Вместе с тем в отношении Египта и Сирии была выработана следующая позиция: Израиль готов заключить с Египтом и Сирией мирные соглашения в обмен на отступление с занятых в ходе Шестидневной войны территорий и установление межгосударственной границы по рубежам, существовавшим в период британского мандата; до подписания мирных соглашений Израиль будет продолжать удерживать все занятые территории.

Таким образом, согласно этому решению, Израиль был готов отказаться от Синайского полуострова (вернув его Египту) и от Голанских высот (вернув их Сирии), но фактически планировал присоединить сектор Газы (который входил в территорию подмандатной Палестины). Это решение, утвержденное правительством 19 июня (но не обнародованное в то время), основывалось как на стремлении изолировать Египет от любых контактов с палестинцами, так и на осознании того, что у сектора Газы, отделенного от заселенной египетской территории сотнями километров пустыни, нет самостоятельного будущего вне интеграции с Израилем. Существовала и наивная надежда на то, что все или почти все палестинские беженцы, проживавшие в секторе, рано или поздно его покинут⁵⁷. При этом Израиль требовал от Египта и Сирии демилитаризации тех территорий, которые он был готов вернуть под их контроль⁵⁸.

Что же касается границ с Иорданией и будущего Западного берега, кабинет не смог прийти к какому-либо решению. По-видимому, главной причиной этого послужили острые разногласия между членами правительства Л. Эшколя. Как известно, коалиционными были все израильские правительства, но сформированный 1 июня 1967 года кабинет был первым в истории Израиля так называемым правительством национального единства: в него, в частности, впервые в истории страны вошел «вечный» лидер «непримиримой» оппозиции Менахем Бегин. Принятие какого-либо четкого и недвусмысленного решения грозило распадом коалиции и возможной отставкой всего кабинета, чего в то время стремились избежать практически все.

При этом еще в ходе обсуждения на неформальном заседании 13 июня, вероятно, под влиянием позиции Игаль Алона, впервые возникло понятие «обороняемые границы»⁵⁹ и было высказано (и в целом поддержано) мнение о том, что река Иордан является западной «оборонной границей» Израиля. Это означало, что кому бы ни принадлежали территории Западного берега, никакая иностранная армия (и в частности иорданская) не должна была быть размещена на них. Так появилась доктрина, разделившая понятия «границы государства» и «оборонные границы государства». Эти идеи были выдвинуты не самим Л. Эшколем, но нашли у него поддержку. Решения, принятые узким кругом высших руководителей страны, один из которых, кстати, на тот момент официально был только профессором археологии Еврейского университета в Иерусалиме и не занимал ответственных государственных

⁵⁷ См.: Shlomo Gazit. *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories*, p. 137.

⁵⁸ См.: Йоси Гольдштейн. *Эшколь. Биография*, с. 581.

⁵⁹ См.: Анита Шапира. *Игаль Алон*, с. 490–491.

постов (речь, конечно, о И. Ядине), были подтверждены на заседаниях правительства 18 и 19 июня.

Имеет смысл отметить, однако, что правительство не выработало никакой связной доктрины относительно будущего статуса Западного берега, ограничившись созданием «временной» военной администрации на контролируемых территориях. В итоге Израиль, с одной стороны, не аннексировал никакие из занятых территорий, кроме Восточного Иерусалима, а с другой – не объявил о готовности отдать их кому бы то ни было. Даже применительно к Египту и Сирии предложение Л. Эшколя о возвращении занятых территорий при условии подписания мирных договоров вызвало возражения ряда министров («за» проголосовали одиннадцать человек, «против» – десять⁶⁰). В итоге официальный текст решения был изменен, и вместо готовности к возвращению к границам, существовавшим по состоянию на 4 июня 1967 года, в нем говорилось о готовности вернуться к «зеленой черте» с «напрашивающимися корректировками границы». При этом какие корректировки границ «напрашивались» и в каком объеме, в решении правительства не упоминалось, и никаких карт к нему приложено не было. Таким образом, было практически невозможно сказать, в чем же конкретно состояла позиция израильского правительства по вопросу будущего статуса занятых в ходе Шестидневной войны территорий. К подобной невнятности изначально никто не стремился, но, желая сохранить хрупкое внутривнутриполитическое согласие, ее посчитали наименьшим злом.

⁶⁰ Данные приводятся по протоколу заседания правительства Израиля от 19 июня 1967 г.

Предложение Элияху Сассона и «четырёхсторонняя комиссия»

Элияху Сассон, многоопытный дипломат, назначенный в январе 1967 года, после смерти Б.-Ш. Шитрита, министром полиции, обратился к Леви Эшколю с предложением создать особую министерскую комиссию, которая будет консультироваться с военными экспертами, с тем чтобы дать ответы на ряд важных вопросов: во-первых, что предпочтительнее для Израиля – создание независимого Палестинского государства или некой автономии, объединенной с Израилем в федерацию? Во-вторых, если предпочтительнее создание государства, то каковы должны быть его границы и должны ли они быть привязаны к британским мандатным границам? В-третьих, какова возможная роль Иордании в создании Палестинского государства? Наконец, в-четвертых, каково должно быть будущее сектора Газы (аннексия, присоединение к Палестинскому государству или некая форма автономии) и какими могут быть решения проблемы палестинских беженцев, живущих там?

Несмотря на то что предложение это не было принято Л. Эшколем в том виде, в котором его выдвигал Э. Сассон, оно также не было отвергнуто. 4 июля 1967 года премьер-министр постановил создать четырехстороннюю комиссию, которую возглавил Яков Герцог, генеральный директор Министерства главы правительства, бывший одним из самых доверенных лиц премьера. В комиссию входили представитель Министерства обороны (им был Хаим Герцог, родной брат председателя комиссии и будущий президент Израиля), сотрудник Министерства иностранных дел Моше Сассон, сын министра Э. Сассона, и Шауль Бар-Хаим и представитель службы внешней разведки «Моссад» (им был Давид Кимхи, в 1980–1987 годах генеральный директор МИДа Израиля)⁶¹.

Спустя две недели комиссия представила свои заключения. Ключом к решению проблемы Западного берега был назван король Иордании Хусейн, с которым предлагалось во что бы то ни стало достичь соглашения. Очевидно, что это мнение отражало позицию председателя комиссии – не кто иной, как Яков Герцог еще с сентября 1963 года неоднократно встречался с королем Иордании⁶². Их пятая встреча – и первая после Шестидневной войны – состоялась в Лондоне 2 июня 1967 года⁶³, за два дня до создания комиссии. «Наш прямой контакт и наши дружеские отношения побуждают меня говорить искренне, – отметил король в беседе с израильским дипломатом. – Экстремисты идут своим путем, я иду другим. Должен быть заключен мир достойный, на основе взаимного уважения. ... Не только у вас есть права – и у нас есть права. Не загоняйте нас в угол. Признавайте наши чувства, относитесь к нам с пониманием и уважением. Весь регион находится на перепутье. Я надеюсь, мы выберем верный путь. От вас зависит очень многое»⁶⁴.

Король Хусейн рассчитывал, что на саммите лидеров арабских стран не будет выработано какой-либо единой позиции, в результате чего у него будут развязаны руки для последующих открытых переговоров с Израилем. В сентябре 1967 года в столице Судана Хар-

⁶¹ См.: Shlomo Gazit. *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories*, p. 147; Дан Бавли. *Надежды и унылые возможности, 1967–1973*, с. 138.

⁶² См.: Michael Bar-Zohar. *Yaacov Herzog. A Biography*. – London: Halban, 2005, p. 225 и далее. О встречах Я. Герцога и короля Хусейна см. также: Моше Зак. *Хусейн идет к миру*. – Рамат-Ган: изд-во Университета Бар-Илан, 1996, с. 57–102 и далее (книга посвящена памяти Я. Герцога) [на языке иврит]; Avi Shlaim. *Lion of Jordan. The Life of King Hussein in War and Peace*. – London: Penguin Books, 2007, pp. 197–201, 207–209, 212–218 и далее.

⁶³ См.: Michael Bar-Zohar. *Yaacov Herzog. A Biography*, p. 300. См.: Michael Bar-Zohar. *Yaacov Herzog. A Biography*, p. 300.

⁶⁴ Цит. по дневниковым записям Я. Герцога от 2 июля 1967 г., находящимся в Гос. архиве Израиля. См.: Michael Bar-Zohar. *Yaacov Herzog. A Biography*, pp. 303–304; Avi Shlaim. *Lion of Jordan. The Life of King Hussein in War and Peace*, pp. 259–264.

туме состоялась конференция глав арабских государств, участники которой единым фронтом потребовали отвода израильских войск к границам, существовавшим до Шестидневной войны, заявив, что и после этого «не будет мира с Израилем, не будет признания Израиля, не будет переговоров с Израилем». Это решение поставило короля Хусейна в сложное положение: он помнил, как в 1951 году поплатился жизнью за связи с сионистскими лидерами его дедушка эмир Абдалла, и открыто пойти против решений Хартумского саммита он не решался. При этом на протяжении двух лет после Хартумского саммита (т. е. с октября 1967 до конца сентября 1969 года) Хусейн провел не менее двенадцати тайных встреч с израильскими руководителями, в которых, кроме Якова Герцога, в разное время участвовали Голда Меир, Игаль Алон, Аба Эвен и Хаим Бар-Лев⁶⁵. Хусейн просил и встречи с Моше Даяном, но Леви Эшколь не поддержал эту идею⁶⁶, и первая встреча между ними состоялась только 29 июня 1972 года (на протяжении пяти последующих лет М. Даян еще четырежды принимал участие в прямых тайных переговорах с королем Иордании⁶⁷).

Проблема была и в том, что израильские руководители, в том числе и сам Яков Герцог, полагали, что время работает на них и спешить поэтому некуда. Я. Герцог, сын бывшего главного ашкеназского раввина Эрец-Исраэль Исаака Халеви Герцога, был крайне воодушевлен фактом установления израильского контроля над территориями Иудеи и Самарии, и в особенности над Старым городом Иерусалима. «Эта победа [в Шестидневной войне] была достигнута не армией, – говорил Я. Герцог итальянцу И. Монтанелли. – Ею одарил нас сам Господь, который спустя несколько десятилетий после Освенцима привел нас в Иерусалим». И. Монтанелли справедливо записал: «Это был не голос генерального директора [Министерства главы правительства; именно эту должность занимал Я. Герцог], а слова пророка»⁶⁸. И Яков Герцог, и тогдашний глава «Моссада» Меир Амит, и другие израильские руководители полагали, что спешить некуда и контакты с королем Хусейном важны для Израиля не столько сами по себе, сколько как фактор, раскалывающий арабское единство. Иными словами, факт ведения переговоров был важнее, чем их возможный итог. При этом в долгосрочной перспективе Я. Герцог, очевидно, предпочитал решать проблему с королем Иордании, а не с палестинскими арабами Западного берега или лидерами ООП (о них в качестве возможных партнеров для переговоров речь не шла вообще).

Выводы комиссии не обсуждались правительством и не были одобрены как руководство к действию премьер-министром. Более того, представители Иордании не были ознакомлены с выводами комиссии, хотя именно королю Хусейну отводилась в них ключевая роль, и его даже предлагалось объявить «хранителем святых мест ислама»⁶⁹. К сожалению, Я. Герцог не осознавал, как мало времени было отпущено на его миссию. В 1969 году скончался Л. Эшколь, после чего премьер-министром стала Голда Меир, с которой Я. Герцог выстроить доверительные отношения не сумел, в результате чего из одного из самых влиятельных людей в стране он превратился в государственного служащего, пусть и высокого ранга, но маловлиятельного. В 1972 году в возрасте 51 года скорострительно от так и не диагностированной толком болезни скончался сам Я. Герцог. События «Черного сентября» 1970 года и убийство 28 ноября 1971 года премьер-министра Иордании Васфи аль-Телля⁷⁰ поставили короля Хусейна в куда более сложное положение относительно радикальных палестинских националистов, которые все более выходили на первый план. Иллюзии о том, что изра-

⁶⁵ См.: Avi Shlaim. *Lion of Jordan. The Life of King Hussein in War and Peace*, p. 652.

⁶⁶ См.: Michael Bar-Zohar. *Yaacov Herzog. A Biography*, p. 307.

⁶⁷ См.: Avi Shlaim. *Lion of Jordan. The Life of King Hussein in War and Peace*, pp. 652–653.

⁶⁸ Цит. по: Michael Bar-Zohar. *Yaacov Herzog. A Biography*, p. 299.

⁶⁹ См.: Shlomo Gazit. *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories*, pp. 147–148.

⁷⁰ См.: Asher Susser. *On Both Banks of the Jordan. A Political Biography of Wasfi al-Tall*. – Essex: Frank Cass, 1994, pp. 168–171.

ильско-иорданский переговорный процесс можно вести годами и что от этого неспешного темпа Израиль только выиграет, развеялись, причем весьма быстро. События развивались совсем не так, как это виделось Я. Герцогу и Л. Эшколю в первые недели после Шестидневной войны.

Планы Игаль Алона

26 июля 1967 года Игаль Алон подал Леви Эшколю собственный план⁷¹. Несмотря на то что он формально никогда не был утвержден правительством, Л. Эшколь согласился с тезисами и идеями, изложенными в этом документе, и они на какое-то (трудно сказать, какое именно) время стали своего рода руководством к действию. При этом важно отметить, что, во-первых, сам И. Алон с течением времени менял свои взгляды по ряду вопросов, относившихся к его плану, а во-вторых, к бумагам, которые он подавал, не были приложены какие-либо карты. Карты плана Алона, опубликованные в отдельных изданиях⁷², отражают понимание его предложений теми, кто эти карты составлял; ни одна из них не была выверена и одобрена самим И. Алоном, который ограничился формулированием принципов политики по отношению к тем или иным территориям, не детализируя их с требуемой точностью. Более того: этот судьбоносный «план» нигде и никогда не был опубликован, из-за чего биограф И. Алона цитирует его по машинописному тексту на английском языке, хранящемуся в частном архиве⁷³; автор книги, посвященной израильско-иорданским отношениям, приводит фотоконии трех разрозненных рукописных листков на иврите с зачеркиваниями и исправлениями из коллекции не самого центрального Архива Объединенного кибуцного движения⁷⁴; а редакторы книги, поместившие «карту», соответствующую, по их мнению, этому плану, основывались на мемуарах И. Алона, опубликованных двадцать с лишним лет спустя, в 1989 году⁷⁵.

Как бы там ни было, первый и, возможно, самый важный тезис в этом плане касался проблемы границ. Как указывалось выше, И. Алон ввел понятие «оборонной границы». Под этим термином подразумевалась линия, которую ни в настоящем, ни в будущем не должны пересекать армии арабских стран. Такой «оборонной границей» И. Алон назвал долину реки Иордан (полоса шириной 10–15 км), которая ввиду своей особой стратегической значимости должна быть присоединена к Израилю и постоянно находиться под его контролем.

И. Алон предполагал, что арабские территории Западного берега будут рано или поздно Израилем отданы, а потому создавать постоянную администрацию на них не следует (и в этом его подход разительно отличался от подхода М. Даяна, создавшего на территориях разветвленную сеть военных администраций). Однако он считал очень важным создать «защитный пояс поселений», который бы окружал территории, населенные арабами. Особую важность И. Алон, как и Д. Бен-Гурион, придавал городу Хеврону (ввиду его религиозного значения), который должен контролироваться Израилем. И. Алон также выступал за израильскую аннексию района Гуш-Эцион.

Кроме того, И. Алон уделил внимание таким проблемам, как источники пресной воды и религиозные святыни, находящиеся на Западном берегу. Он указал, что в случае возвращения территорий необходимо будет искать альтернативные источники воды, а также позаботиться о сохранности священных мест.

И. Алон высказал четкое мнение и по проблеме Иерусалима. Если он допускал, что рано или поздно большую часть территории Западного берега придется оставить, то какие-

⁷¹ См.: Shlomo Gazit. *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories*, pp. 149–151.

⁷² См., например, карту 3, озаглавленную «План Алона, 1970», помещенную в книге: «*Defensible Borders for a Lasting Peace*» (Jerusalem Center for Public Affairs, 2005), p. 13. Под тем же названием эта карта опубликована на иврите в книге Моше Зака «*Хусейн идет к миру*», с. 316. В книге Ави Шлаима эта же карта называется «План Алона для Западного берега, 1967»; см.: Avi Shlaim. *Lion of Jordan. The Life of King Hussein in War and Peace*, p. 291.

⁷³ См.: Анита Шапира. *Игаль Алон. Годы весны*, с. 553, сноска 54.

⁷⁴ См.: Моше Зак. *Хусейн идет к миру*, с. 313–315.

⁷⁵ См.: *Defensible Borders for a Lasting Peace*, p. 12.

либо уступки в Иерусалиме он, как и Д. Бен-Гурион и Л. Эшколь, считал невозможными. И. Алон был убежден, что Иерусалим должен быть объединенной столицей Государства Израиль.

Относительно сектора Газы позиция И. Алона претерпела значительные изменения. Изначально он считал, что палестинские арабы, жившие в лагерях беженцев в Газе, могут и должны быть расселены за пределами Палестины/Эрец-Исраэль. Так, кстати, полагал и Л. Эшколь, о чем он говорил на заседании правительства 19 июня 1967 года, характеризуя как «справедливейшее из возможных» свое предложение о переселении ста тысяч палестинцев из Газы в Ирак: «У них общий язык, они находятся примерно на одном уровне развития, там есть достаточно земель и воды», в конце концов, «мы [Израиль] приняли евреев из Ирака, приняли сто тысяч человек. ... Можно считать это обменом населения»⁷⁶. И. Алон, как и, кстати, М. Бегин, поддерживал идеи Ю. Неэмана (хотя не факт, что был знаком с его меморандумом) о расселении палестинских беженцев из Газы в районе Эль-Ариша. И. Алон также предлагал переселить часть жителей Газы на Западный берег Иордана, а также на территорию Иордании. При этом он выступал за присоединение сектора Газы к Израилю.

Изначально И. Алон был против возвращения каких-либо частей Западного берега Иордании, выступая за предоставление живущим там палестинским арабам широкой автономии (но не в тех районах, которые он предлагал присоединить к Израилю: Восточный Иерусалим и ближайшие окрестности, Гуш-Эцион, Иорданская долина). В этой связи предложения И. Алона в целом были вполне в русле рассмотренных выше идей, обсуждавшихся Д. Бен-Гурионом, М. Даяном, Л. Эшколем и другими.

Затем, однако, позиция И. Алона изменилась кардинально; сложно сказать точно, когда именно это произошло. Авторы, ссылающиеся на «план Алона», эти изменения в его позиции в расчет не принимают, раз за разом повторяя его предложения, выдвинутые в июле 1967 года. Представляется, однако, что более поздние предложения И. Алона были куда более интересными, хотя и неожиданными⁷⁷. Изначально он был ярким противником «иорданской опции», выступавшим против возвращения каких-либо территорий под контроль Иордании, утверждая даже, что если режим короля Хусейна падет и вместо него будет сформировано палестинское правительство, это будет совсем неплохо для Израиля⁷⁸. Затем, однако, Игаль Алон стал горячим сторонником именно «иорданской опции»⁷⁹, де-факто развивая идеи, выдвинутые «четырёхсторонней комиссией» во главе с Я. Герцогом. Первоначальная версия плана была выдвинута И. Алоном до его первого личного контакта с королем Хусейном, который состоялся только 27 сентября 1968 года (кроме него, во встрече с израильской стороны участвовали министр иностранных дел А. Эвен и Я. Герцог). Постепенно враждебное отношение И. Алона к иорданскому монарху сменилось на значительно более доброжелательное. В итоге И. Алон был готов пойти дальше, чем кто бы то ни было, предлагая передать под контроль Иордании не только те земли, которые она потеряла в 1967 году, но и никогда не контролировавшийся ею сектор Газы – в качестве компенсации за те части территории Западного берега, которые Государство Израиль, по его мнению, должно было аннексировать. И. Алон верил, что королю Хусейну будет нелегко отвергнуть предложение, согласно которому Иордания получала форпост на Средиземном море, благодаря чему он надеялся, что этот план может быть реализован. 3 октября 1970 года состоялась пятая встреча И. Алона с королем (как и на четырех предыдущих, на ней также присутствовал Я. Герцог), на которой

⁷⁶ Цит. по протоколу заседания правительства Израиля от 19 июня 1967 г., находящемуся в Государственном архиве Израиля; см. также: Том Сегев. 1967, с. 552.

⁷⁷ См.: Анита Шапира. *Игаль Алон. Годы весны*, с. 488–489.

⁷⁸ См.: Avi Shlaim. *Lion of Jordan. The Life of King Hussein in War and Peace*, pp. 287–288.

⁷⁹ См.: Avi Shlaim. *Lion of Jordan. The Life of King Hussein in War and Peace*, p. 348.

обсуждалась идея создания палестинской автономии, которая будет контролироваться властями Иордании и в перспективе войдет в нее. И. Алон безуспешно пытался убедить членов израильского правительства поддержать эту идею; большинство, и прежде всего Моше Даян, были категорически против, из-за чего план, относительно которого сам король высказал принципиальное согласие, реализован не был⁸⁰.

Именно отдельные компоненты различных «планов Алона», не будучи формально утвержденными кабинетом министров, начали постепенно реализовываться. Более того: реализация именно этой доктрины ни шатко ни валко, но продолжается до дня сегодняшнего. Можно выделить целый ряд принципов, проявившихся в планах Алона и сохраняющих свою значимость до сегодняшнего дня.

Во-первых, именно план Алона заложил основы подхода, согласно которому отношение Израиля к проблеме контролируемых территорий определяется сочетанием трех факторов: соображений безопасности; демографических интересов и нежелания контролировать жизнь другого народа. Согласно этой логике, Израиль заинтересован сохранять под своим контролем только те территории, на которых нет значительного арабского населения, чтобы Израиль не превращался в двунациональное государство, оставаясь еврейским. Контроль над густонаселенными арабами территориями должен быть передан самим арабам (не принципиально важно, кому именно).

Во-вторых, границы Государства Израиль не тождественны его оборонным границам, и некоторые линии, которые Израиль может и не контролировать (например, Иорданскую долину или так называемый Филадельфийский коридор между сектором Газы и Египтом), определяются при этом как оборонные границы страны, которые не может и не должна пересекать никакая иноземная армия.

В-третьих, создание еврейских поселений на контролируемых территориях возможно при одном из двух условий: либо когда речь идет о восстановлении исторической справедливости и воссоздании еврейского присутствия в местах, где еврейская община существовала в прошлом и откуда она была изгнана, либо когда удержание районов, в которых создаются новые населенные пункты, важно по соображениям безопасности. Израиль не заинтересован в создании еврейских кварталов и поселений в гуще арабских жилых массивов, за исключением тех случаев, когда речь идет о самых святых для еврейского народа местах, таких как Восточный Иерусалим или Хеврон.

В-четвертых, план Алона стал оформлением идеи дифференцированного подхода. Согласно этому подходу, территория Западного берега, то есть Восточный Иерусалим, Иудея, Самария и долина Иордана, хотя и была занята в ходе одной войны, единым блоком не является, а следовательно, политическое будущее различных ее частей может быть различным. При этом, напротив, хотя Западный берег Иордана и сектор Газы до 1967 года контролировались разными странами (соответственно Иорданией и Египтом), их политическое будущее может быть одинаковым.

В-пятых, Израиль формирует свою политику на контролируемых территориях самостоятельно, пытаясь убедить выбранных им самим арабских партнеров в ее оправданности и целесообразности. При этом израильское руководство само решает, будет ли оно следовать той или иной доктрине, безотносительно к тому, что думают по этому поводу те или иные арабские политические лидеры. Согласие арабских представителей на ту или иную израильскую инициативу совершенно не гарантирует ее принятия, ибо израильские руководители сохраняют за собой право по собственному усмотрению принять любые решения, в том числе и противоположные изначально предполагавшимся.

⁸⁰ См.: Avi Shlaim. *Lion of Jordan. The Life of King Hussein in War and Peace*, p. 337.

* * *

Обсуждения новых реалий, сложившихся после Шестидневной войны, были бурными, в политической и военной элите страны не было согласия практически ни по одному вопросу, исключая, быть может, вопрос об объединении Иерусалима и его объявлении вечной и неделимой столицей Государства Израиль. Все остальные «плоды победы» скорее раскалывали руководство страны, а не объединяли его. В таких условиях проще было не принимать никаких жестких обязывающих решений, действуя по принципу «пусть идет, как идет». Именно так и формировалась израильская политика на территориях, занятых в ходе победоносной Шестидневной войны.

Глава II. Первые практические шаги Израиля на контролируемых территориях

Аннексия Восточного Иерусалима

На протяжении более чем четырнадцати лет единственной частью занятых в 1967 году территорий, аннексированной Израилем, был Восточный Иерусалим, находившийся со времени окончания войны 1948 года под контролем Иордании. Решение о присоединении восточной части города к западной, бывшей под израильским контролем, было принято практически сразу после окончания боевых действий Шестидневной войны. Следующее подобное решение – об аннексии Голанских высот – было принято только в 1981 году (соответствующий закон был утвержден в кнесете 14 декабря), уже в период правления правоцентристского блока «Ликуд» во главе с М. Бегином, а более никакие территории, занятые израильской армией в 1967 году, аннексированы не были вообще. Как указывалось выше, многие государственные деятели (в частности, Д. Бен-Гурион, Л. Эшколь, Я. Герцог и другие) выступали за объединение Иерусалима под еврейским правлением, но, скажем, многие ратовали и за присоединение к Израилю района Гуш-Эцион и города Хеврон, а также Иорданской долины, но это сделано не было – ни тогда, ни на протяжении сорока с лишним последующих лет. Таким образом, аннексия Восточного Иерусалима видится во временной перспективе действием еще более особенным, чем это казалось современникам и участникам событий⁸¹.

Вопрос об аннексии Восточного Иерусалима, обсуждавшийся в правительстве Израиля, практически не вызвал стратегических разногласий. Леви Эшколь еще 11 июня – то есть буквально на следующий день после окончания боевых действий – предложил членам правительства объявить об объединении Иерусалима. «Нужно отделить Иерусалим от остальных мест», – подчеркнул премьер-министр⁸². «Объединение Иерусалима – жизненная необходимость и сердце нации. Оно не подчинено никаким рациональным, политическим, военным или экономическим соображениям – напротив, именно оно и предопределяет все остальные соображения», – говорил Л. Эшколь⁸³. Было решено поручить специальной комиссии во главе с министром юстиции Яковом Шимшоном Шапира (1902–1993) в максимально короткий срок выработать процедурные рекомендации, касавшиеся объединения Иерусалима в качестве единой столицы Государства Израиль.

Все министры поддерживали эту идею, за исключением министра образования Залмана Арана (1899–1970)⁸⁴. Опасения, высказанные им, касались возможной жестко негативной реакции на такой шаг со стороны мирового сообщества. Вместе с тем сроки принятия этого решения дебатировались, причем весьма остро.

Больше всех просил не спешить Аба Эвен (1915–2002), тогдашний министр иностранных дел. Вопрос о территориях, занятых Израилем в 1967 году, обсуждался в то время в ООН, и А. Эвен, находившийся в Нью-Йорке, опасался, что односторонние шаги израильского правительства вызовут намного более жесткую реакцию международного сообщества,

⁸¹ Подробнее об этом см.: Моше Амирав. *Иерусалимский синдром*. – Иерусалим: Кармель, 2007 [на языке иврит].

⁸² Цит. по протоколу заседания правительства Израиля от 11 июня 1967 г., находящемуся в Государственном архиве Израиля; см. также: Йоси Гольдштейн. *Эшколь. Биография*, с. 582.

⁸³ Цит. по: Том Сегев. *1967*, с. 523.

⁸⁴ См.: Shlomo Gazit. *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories*, p. 245.

чем та, что была бы выражена в их отсутствие. В результате было отложено заседание правительства, запланированное на 20 июня, на котором должны были обсуждаться и утверждаться предложения по вопросу о Иерусалиме, подготовленные межминистерской комиссией во главе с Я.Ш. Шапира. 27 июня вопрос вновь был поставлен на обсуждение, и Аба Эвен вновь попросил об отсрочке – как минимум на неделю, до окончания обсуждения этого вопроса на Генеральной Ассамблее ООН. Л. Эшколь в свою очередь полагал, что подобные отсрочки не служат израильским интересам, становясь сигналом о том, что еврейское государство готово к большим уступкам, чем оно было готово на самом деле, однако большинство министров (девять из шестнадцати) выступили в поддержку просьбы А. Эвена; только семеро поддерживали главу правительства⁸⁵. Тогда Л. Эшколь пошел на отчаянный шаг: покинув заседание, он лично позвонил в Нью-Йорк министру иностранных дел, чтобы убедить его снять свои возражения. «Чем больше мы будем ждать, тем сильнее будет международное давление против полного осуществления объединения Иерусалима... Может создаться впечатление, что мы сдаемся международному давлению в вопросе о Иерусалиме», – увещевал Л. Эшколь министра иностранных дел⁸⁶. А. Эвен сдался, о чем Л. Эшколь немедленно сообщил членам правительства, после чего решение было принято. В тот же день соответствующее решение было утверждено кнесетом во всех трех чтениях.

Таким образом, правительство приняло принципиальное решение об аннексии. Израильскому руководству необходимо было решить три важных вопроса: во-первых, каким образом, с формально-юридической точки зрения, осуществить аннексию; во-вторых, каковы должны быть границы создаваемого иерусалимского муниципалитета, то есть фактически каковы должны быть границы аннексируемой территории; и, в-третьих, какую политику Израиль должен проводить по отношению к арабам, проживающим в восточной части города?

В отношении первого вопроса по настоянию министра юстиции был избран путь законодательного закрепления аннексии. Решением правительства создавалась министерская комиссия, которая должна была разработать соответствующие законопроекты. В результате ее работы на обсуждение правительства и на голосование в кнесете было поставлено три законопроекта. Первым на территорию Восточного Иерусалима распространялось действие израильского законодательства; второй закон предоставлял министру внутренних дел Израиля право определять границы создаваемого иерусалимского муниципалитета; наконец, третий закон гарантировал защиту святых мест. Интересно отметить, что (прежде всего с целью не привлекать излишнего внимания в ООН) было решено отказаться от принятия отдельного закона об объединении Иерусалима и провозглашении единого города столицей Государства Израиль; соответствующий закон был принят кнесетом только 5 августа 1980 года⁸⁷. В июне 1967 года было принято другое решение: внести только самые необходимые изменения в несколько уже действовавших законов. Как указывалось выше, 27 июня 1967 года правительство одобрило все три соответствующих законопроекта и немедленно представило их для голосования в кнесет, где они также были приняты практически без обсуждений. В полночь 28 июня 1967 года обе части города были формально объединены.

Следующей важной проблемой, вызвавшей споры и разногласия, был вопрос о границах аннексируемой территории. Вероятно, единственное, что не обсуждалось и не оспаривалось, – это присоединение Старого города. Комиссию по определению границ возглавлял генерал Рехавам Зеэви (1926–2001, в 1988–2001 годах депутат кнесета, лидер

⁸⁵ Цит. по протоколу заседания правительства Израиля от 27 июня 1967 г., находящемуся в Государственном архиве Израиля; см. также: Йоси Гольдштейн. *Эшколь. Биография*, с. 735, сноска 892.

⁸⁶ Цит. по: Аба Эвен. *Главы жизни*. – Тель-Авив: Сифрийат поалим, 1978, том 2, с. 432 [на языке иврит].

⁸⁷ См. официальный текст этого правового акта: Основной закон: Иерусалим – столица Израиля // «Конституционное право» / Под ред. Р. Длумы и М. Коэна. Гиватайм: Махшевот, 1998, с. 244 [на языке иврит].

праворадикальной партии «Моледет»; единственный из израильских министров за все время существования государства, убитый палестинскими террористами). Свои предложения он строил, исходя из следующих соображений: максимально возможное расширение аннексируемой территории с тем, чтобы обеспечить городу площадь, необходимую для будущего развития; присоединение к аннексируемой территории аэропорта Атарот; включение в ее состав нескольких источников пресной воды. Кроме того, при проведении границы учитывался демографический фактор, то есть преследовалась цель присоединить максимальную территорию с минимальным количеством арабских деревень и, следовательно, арабского населения на ней.

Однако министр обороны Моше Даян, на утверждение которому был представлен проект, высказал ряд резких возражений. Его не устраивало прежде всего то, что на присоединяемой территории находилось целых десять арабских деревень. И все же, парадоксальным образом, даже не это вызвало наибольшие возражения. Главный контраргумент касался того, что объединенный Иерусалим в предлагавшихся границах разделял территорию Западного берега на две части, сообщение между которыми, минуя израильскую столицу, становилось практически невозможным. «Если в будущем мы захотим сделать Западный берег единой административной единицей... то нам необходим будет связующий коридор между Хевроном и Вифлеемом [к югу от Иерусалима] и Иерихоном [к западу от него]», – так аргументировал свою позицию Моше Даян⁸⁸. Парадоксальным образом именно известный своей «ястребиной» политической ориентацией М. Даян беспокоился о том, чтобы израильская аннексия не была «чрезмерной», чтобы в случае передачи территорий под арабский контроль между Иудеей (южной частью Западного берега) и Самарией (северной частью) оставался бы связующий коридор! (Интересно, что годы спустя министр иностранных дел Египта Бутрос Гали напишет в своих мемуарах: «Среди израильских лидеров Даян занимал наиболее гибкую позицию в палестинском вопросе»⁸⁹.) Министерская комиссия приняла замечания министра обороны и скорректировала свой проект.

Наконец, третий вопрос, который предстояло решить израильскому руководству, – это вопрос о политике по отношению к арабам, населяющим восточную часть Иерусалима. Вопрос этот имел две составляющие – демографическую, так как на присоединенных территориях проживало около 60 тысяч арабов, и юридическую, так как большинство из них имели иорданское гражданство, и необходимо было решить, давать им израильское гражданство или нет.

Хотя звучали отдельные призывы чуть ли не депортировать все арабское население из присоединенных частей Иерусалима, эта позиция была маргинальной и поддержки не нашла. Зато было принято решение построить новые еврейские кварталы в восточных районах города, и в течение первых десяти лет после объединения Иерусалима туда переселились более двухсот тысяч человек. Кроме того, израильское правительство начало возрождать еврейский квартал Старого города, уничтоженный в ходе войны 1948 года и фактически не существовавший в течение всего иорданского правления.

Проблема предоставления гражданства арабам Восточного Иерусалима была решена следующим образом. Всем им было предложено принять израильское гражданство, однако в директивном порядке оно никому не навязывалось: отказываться ли от гражданства иорданского и принимать ли новое, люди решали сами. Процесс перехода в израильское подданство был довольно длительным, и руководители страны вполне отчетливо осознавали, что не заинтересованы в появлении десятков тысяч новых арабских граждан. Большинство по тем или иным причинам, часто имея материальную заинтересованность в поездках на Восточ-

⁸⁸ Цит. по: Shlomo Gazit. *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories*, p. 246.

⁸⁹ Бутрос Бутрос Гали. *Путь Египта в Иерусалим*. – М.: Институт Африки РАН, 1999, с. 263.

ный берег, сохранили за собой иорданское гражданство. Израиль же предоставил арабам Восточного Иерусалима статус постоянных жителей, который не давал им права участия в парламентских выборах, но наделял их возможностью принимать участие в выборах муниципальных. При этом Закон о выборах в местные органы власти был изменен – специально для того, чтобы облегчить участие в них арабов Восточного Иерусалима. Согласно закону, участие в муниципальных выборах неграждан, имеющих статус постоянных жителей, не происходит автоматически, а лишь после подачи ими соответствующей просьбы. Применительно к арабам Восточного Иерусалима – и только к ним – это требование было отменено, им было разрешено участвовать в муниципальных выборах в столице страны без подачи каких-либо просьб⁹⁰. Впрочем, подавляющее большинство из них этим правом за сорок прошедших с тех пор лет ни разу не воспользовались, вследствие чего муниципальный совет Иерусалима был и остается исключительно еврейским.

Таким образом, при аннексии Восточного Иерусалима дифференцированный подход к контролируемым территориям был применен на практике. Важно подчеркнуть, что Восточный Иерусалим стал единственной территорией на Западном берегу, которая была аннексирована Израилем, и аннексия эта была закреплена законодательно.

⁹⁰ См.: Uzi Benziman. Israeli Policy in East Jerusalem after Reunification // *«Jerusalem. Problems and Prospects»*, ed. by Joel L. Kraemer. – New York: Praeger, 1980, pp. 103–104.

Постоянство временных решений: формирование и закрепление статус-кво

Сделав выше обзор конкретных предложений, выдвинутых общественными, политическими и военными деятелями в первые недели после окончания Шестидневной войны, мы можем обобщить их и свести, с некоторыми ограничениями, к четырем основным направлениям решения проблемы политического будущего Западного берега и сектора Газы: аннексия Израилем; «палестинская опция» (создание Палестинского государства или предоставление палестинским арабам достаточно широкой автономии); «иорданская опция» (возвращение всех или большей части занятых территорий под иорданский контроль); откладывание принятия решений на более поздний срок при условии фактического сохранения статус-кво.

Необходимо попытаться ответить на вопрос, почему же в 1967 году была выбрана именно последняя опция, сохранение на неопределенный срок статус-кво (при фактической реализации как минимум до 1977 года плана Алона в его первоначальном варианте, не предусматривавшем какого-либо участия Иордании), а не какая-либо другая, какие факторы – внутриизраильские и международные – повлияли на это.

Аннексия. Идея аннексии всех территорий, перешедших под израильский контроль в ходе Шестидневной войны, имела в тот период минимальное число сторонников. Из всех перечисленных выше планов только план профессора Ю. Неэмана предусматривал аннексию большей части территорий, и то с оговорками, допуская возможность практически полного отступления с Синая⁹¹. Этот вариант могли поддерживать правые и религиозные партии, однако правительство едва ли решилось бы даже рассматривать всерьез подобную возможность. При обсуждении проблемы аннексии Восточного Иерусалима министр образования Залман Аран высказывал опасения относительно жестко негативной реакции мирового сообщества на этот шаг. Нет сомнений, что именно внешние факторы, то есть возможность жесткой реакции международного сообщества, повлияли на то, что возможность аннексии всерьез никем из политической и военной элиты не рассматривалась. Важнейшую роль играли и демографические соображения: аннексия занятых в ходе Шестидневной войны территорий при условии предоставления их жителям израильского гражданства превращала еврейское государство с относительно небольшим (15–20 % в разные годы) арабским меньшинством в двунациональное государство, в котором доля арабов достигала бы 35–40 % и более. Таким образом, аннексия занятых в 1967 году территорий фактически становилась бы концом Израиля в качестве еврейского государства. С другой стороны, аннексия территорий без предоставления их жителям гражданства и базовых политических прав (включая избирательное) превращало Израиль в государство апартеида, что также было совершенно неприемлемо для подавляющего большинства жителей страны.

«Палестинская опция». Возможность создания независимого Палестинского государства или палестинской автономии рассматривалась членами израильского правительства уже на заседании 19 июня 1967 года. В частности, Леви Эшколь говорил: «Я начал с автономии, но если станет понятно, что это невозможно воплотить в действительности, они [палестинские жители территорий] получают независимость». Игаль Алон формулировал идею конкретнее: «Я принимаю в расчет независимое арабское [Палестинское] государство,

⁹¹ Интересно отметить, что когда Израиль, в рамках реализации мирного договора с Египтом, согласился на отступление с Синая, Ю. Неэман был активно и категорически против. Партия «Тхия» («Возрождение»), которую он возглавлял с момента ее создания до поражения на выборах 1992 года, возникла именно на гребне общественного протеста против вывода израильских сил из Синая и ликвидации созданных там еврейских поселений.

созданное согласованно по договоренности между нами и Иорданией, которое было бы со всех сторон окружено израильской территорией». Менахем Бегин, тогда, напомним, член правительства, отмечал: «Насколько я понимаю, понятие автономии логически железно приводит к Палестинскому государству. Если мы говорим об автономии, это приглашение к созданию независимого Палестинского государства»⁹².

⁹² Цит. по протоколу заседания правительства Израиля от 19 июня 1967 г., находящемуся в Государственном архиве Израиля; см. также: Моше Сассон, «О мирных переговорах с соседями (личное видение)» // «*Министерство иностранных дел. Пятьдесят первых лет*» / Под ред. М. Ягера, Й. Говрина и А. Одеда. – Иерусалим: Кетер, 2002, том 1, с. 125 [на языке иврит].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Стоимость полной версии книги 200,00р. (на 03.04.2014).

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.